

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

БЕРДНИКОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**СЮЖЕТЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УРОКА
ВНЕКЛАСННОГО ЧТЕНИЯ)**

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
канд. филол. наук, доцент Полуэктова Т.А.

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент Новоселова Н.А.

Дата защиты _____
Обучающийся Бердникова Т.С.

Оценка _____

Красноярск
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРА БЫЛИН.....	5
1.1. Жанр былин в научном дискурсе.....	5
1.1.1. Основные признаки жанра «былина».....	5
1.1.2. Проблема жанровой природы прозаических текстов о богатырях.....	9
1.1.2.1. Отличие былин от сказок с былинным сюжетом.....	9
1.1.2.2. Синкретичные формы текстов о богатырях.....	11
1.1.3. Понятие былинного цикла.....	12
1.2. Проблема регионализма в фольклористике.....	15
Выводы по главе 1.....	23
ГЛАВА 2. БЫТОВАНИЕ ТЕКСТОВ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ.....	24
2.1. Сюжеты об Илье Муромце в разных жанровых формах на территории Приенисейской Сибири.....	24
2.2. Приенисейские былины об Илье Муромце	28
2.3. Былинная тема в святочных виноградыях	37
2.4. Своеобразие приенисейских прозаических текстов с былинным сюжетом.....	42
Выводы по главе 2.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	58
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день человек начинает терять связи с прошлым, с историей становления русского народа, его особенностями, традициями. Поэтому многие исследователи обращаются к фольклору, где наиболее ярко представлены все черты, развивающиеся на протяжении многих веков в быту русского человека. Одной из основных черт в сознании русских является народный героизм, примеры которого наблюдаем в русском эпосе. По мнению исследователя А.М. Астаховой, «В образах богатырей, самоотверженно защищающих родную землю, воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя». [6, с. 393]. Лучшие черты героя, самоотверженно преданного родине и всегда защищающего ее, объединены в образах богатырей, в частности в образе Илье Муромце.

Темой исследования выбран корпус былинных сюжетов об Илье Муромце, где будет рассмотрено своеобразие текстов об этом герое, бытующих на территории Приенисейской Сибири. Также нами будет сделана попытка выявления их своеобразия.

К русским былинам обращались многие исследователи разных лет: А.М. Астахова, С.Н. Азбелев, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Ю.И. Смирнов и многие другие. Они рассматривали былины как в общем ключе русского фольклора, так и в региональных проявлениях. Нашу работу можно включить в этот ряд по характеру предмета изучения. Это свидетельствует об **актуальности работы.**

Новизну исследования обуславливает попытка сделать первый анализ текстов, представленных в фольклорной традиции Приенисейской Сибири XIX-начала XX в.

Исследователи, в частности А.М. Астахова, говорили о том, что данная территория поздно стала объектом для изучения. Вследствие этого на сегодняшний день мы имеем корпус региональных былинных сюжетов, которые не подвергались специальному разбору фольклористов.

Цель работы - выявление специфики былинных сюжетов об Илье Муромце в региональной традиции.

Эта цель реализуется в следующих **задачах**:

1. Изучить научную литературу, освещающую теоретические проблемы былиноведения;
2. На основании публикаций и архивных материалов определить сюжетный состав региональных текстов об Илье Муромце;
3. Отграничить собственно былины от смежных жанровых форм;
4. Определить, влияние каких жанров испытали региональные тексты;
5. Сопоставить тексты Приенисейской Сибири с общерусскими былинами об Илье Муромце;
6. Выявить сходство/различие на уровне сюжетных мотивов;
7. Определить наличие региональной специфики в изучаемых текстах.

Предметом данной работы является жанровый состав текстов Приенисейской Сибири об Илье Муромце, **объектом** становятся былины и синкретичные формы произведений об Илье Муромце.

Материалом являются региональные тексты об Илье Муромце. Для выявления региональной специфики приенисейские тексты сопоставляются с былинами из сборника «Илья Муромец» под редакцией А.М. Астаховой.

Методами исследования становятся общенаучные методы наблюдения и сопоставления, а также методы мотивного и жанрового анализа.

Работа была **апробирована** на научной конференции «Молодежь и наука», по материалам ВКР написана и сдана в печать статья «Своеобразие приенисейских былин об Илье Муромце».

Структура работы включает введение, 2 главы, заключение, список использованных источников, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРА БЫЛИН

1.1. Жанр былин в научном дискурсе

1.1.1. Основные признаки жанра «былина»

Для того чтобы начать изучение былин, необходимо обозначить их жанровую специфику, т.е. выделить характерные признаки, которые отличают былины от других, на первый взгляд, близких произведений. Научно-методической базой стали исследования ученых разных лет, основные постулаты которых будут представлены ниже.

Термин «былина» был введен в науку И.П. Сахаровым в первой половине XIX в. В.П. Аникин отмечает, что ученый истолковал это выражение как обозначение народных произведений, отразивших «быль» своей эпохи [42, с. 307]. В.Я. Пропп соглашается с тем, что «былина» является одной из производных слова «быль». Ученый замечает, что в народном обиходе они обозначают действительность или рассказ о действительном [27, с. 43-44].

Если с определением не возникает вопросов, то о времени сложения былин возникали различные представления.

А.М. Астахова, освещая вопрос происхождения, цитирует Л. Майкова: «Хотя между сюжетами былин есть и такие, которые можно возвести к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий, тем не менее всё содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания представляется в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно историческому периоду. Содержание былин выработывалось в течение X, XI и XII веков, а установилось во вторую половину удельно-вечевого периода в XIII и XIV веках» [7, с. 38]. К этому можно прибавить слова О. Миллера о том, что большая древность былин доказывается тем обстоятельством, что изображается в них политика ещё оборонительная, а не наступательная.

Также многие исследователи (С.Н. Азбелев, А.М. Астахова, О.

Миллер), обращали внимание на то, что в сюжетах былин мы видим исторический период не наступления, а обороны, когда богатыри лишь защищали свои земли от захватчиков.

В одной из работ С.Н. Азбелева отмечается мнение Б.А. Рыбакова о том, что «древнейшие былины стоит возводить к событиям и явлениям IX в., а наиболее поздние – к XIII в. Время бытования былин в целостном, почти первоначальном виде, вероятно, XVI – XVII вв., и время окончательного отмирания – середина XX в. [1, с. 16-18]

Другая группа ученых (М.Е. Халаиский, С.К. Шамбинаго и др.) утверждала, что былины в основном созданы в Московской Руси. Согласно этой теории, былины слагались как песни о прошлом, а не о современности. «Эпическое время» былин — эпоха Киевской державы, рисуемая в былинах как время, когда народ совершал подвиги и восстанавливал справедливость.

Большинство ученых тяготеют к тому, что по происхождению былины — эпические песни феодальной Руси. Как особый жанр они получили первоначальное развитие в процессе создания древнерусского государства. И хотя мы не имеем записей былин, сделанных до XVII столетия, устойчивость содержания и формы древнерусского эпоса позволяет рассматривать основной состав былин как народное творчество средневековой Руси.

В условиях Московского государства и после реформ петровского времени жанр былин продолжает жить и развиваться, но в основном отображает обобщенное историческое время, что и в ранее созданных произведениях.

В XIX в. былины стали определяться учеными как «песни богатырские». В это время разные академические школы фольклористов начинают изучать эпос, выделяя те черты, которые с их точки зрения являются преимущественными в былинном жанре.

Так, одна из первых попыток определения основных признаков былины принадлежала ученым мифологической школы, основным

представителем которой был О. Миллер. Они исследует русский эпос, выделяя разные по древности слои, отделял исторические элементы от мифологических. Данная школа видит в былинах более древний героический эпос, первоначальная основа которого – эпос мифологический, сказания о богах.

Как отмечает А.М. Астахова, такое же определение жанру дает и А. Галахов в курсе истории русской словесности, а также Ф.И. Буслаев, видя в былинах видоизмененный мифологический эпос. [5, с. 7-8]

Параллельно мифологической школе начинает развиваться историческое направление в изучении русского эпоса. П.В. Киреевский определяет былины как песни «исторические», не видя принципиальной разницы между этими жанрами.

Стоит упомянуть о различиях между историческими песнями и былинами. Былины основаны на художественном вымысле, в них отсутствуют конкретные прототипы богатырей. Нет также и исторически подтвержденного упоминания об их существовании на Руси. В.П. Аникин считает верным замечание Л.Н. Майкова о том, что «Илья существует не в истории, а в одном эпосе» [42, с. 308]. Факт присутствия вымысла становится основой для разграничения былин и исторических песен, так как сюжет и фабула вторых черпаются непосредственно из действительности.

Особенный характер историзма былин также трактуется учеными по-разному. Б.А. Рыбаков и М.М. Плисецкий продолжают взгляды так называемой старой исторической школы, представителями которой являлись Вс. Миллер, С.Н. Азбелев. Ученые считали былины воспроизведением определенных исторических событий и лиц, забывали об идейной сущности былин. Далее они полагали, что былины возникают вскоре после воспеваемых в них исторических картин. Впервые эту мысль высказал Л. Н. Майков в исследовании «О былинах Владимирова цикла» (1863). Он обосновывал свою точку зрения тем, что для народа нет необходимости откликаться на события спустя много столетий. Третье положение

представителей данной школы – это отсутствие исторических прототипов. Богатырь – это исключительно собирательный народный образ. А. П. Скафтымов в книге «Поэтика и генезис былин» выступает против представителей исторической школы. Он высказал важную мысль о единстве художественного и реально-исторического в эпосе.

Итак, одними из особенностей жанра являются следующие: отражение не конкретного исторического события, а эпохи через поэтический вымысел, собирательный образ богатыря, не предполагающий реального прототипа.

Еще одной специфической чертой, по мнению В.Я. Проппа, является героический характер содержания. Отсюда следует и другое название былинного жанра – героический эпос. Здесь показывается, кого и за что народ считает героем. Это можно увидеть благодаря содержанию эпоса, основой которого всегда является борьба и победа. В разные исторические периоды основа борьбы была различна, так как борьба отражает, по Н.А. Новоселовой, отражает процесс, который не всегда является отображением военных коллизий. Об этом говорит и деление былин на богатырские, повествующие о героях-богатырях и былины не воинского характера, напоминающие иногда новеллы, рисующие различные события городской жизни, изображающие любовные похождения, борьба за самоутверждение и т.д. – объединяющим же всегда оставалось одно – борьба, но в разных ее проявлениях [27, с. 53-60].

Другим важным признаком былинного жанра является музыкальность исполнения. Былины представляют собой песни, которые поются. Музыкальное исполнение былин и их содержание невозможно разъединить, так как музыкальность свидетельствует о глубокой личной взволнованности, выражает чувства народа, возбуждаемые героями и повествованием песни. Если отнять от былины напев, то можно получить прозаический текст. А.М. Астахова отмечает, что музыка героического эпоса всегда национальна и самобытна, а пение русских былин всегда сопровождалось игрой на гуслях, для еще большей музыкальности [5, с. 137-138].

С музыкальностью связана и следующая черта, которая выражается в сложении былин в стихотворной форме. Былинный стих – это продукт длительной культуры, который полностью гармонирует с содержанием песен. Героический эпос всегда состоит из былинного стиха, но не всякая песня, имеющая данную форму, может быть отнесена к эпосу, поэтому на этапе отделения былины от других произведений, имеющих форму стиха, стоит обращать внимание непосредственно на сюжетный состав произведения [5, с. 153].

Подводя итог, мы получаем следующее определение былин: «это героические песни, возникшие как выражение исторического сознания народа, развивавшееся в условиях Древней Руси. Имея целью возвеличить народные идеалы, былины отразили историческую действительность в образах, жизненная основа которых соединена с вымыслом...» [42, с. 309]. Добавим к этому то, что сюжет былинных текстов строится на борьбе как в героических, так и личных ее проявлениях.

1.1.2. Проблема жанровой природы прозаических текстов о богатырях

1.1.2.1. Отличие былин от сказок с былинным сюжетом

Выделяя основные признаки былин, мы сказали, что данный жанр имеет стихотворную форму и музыкальность исполнения. Но остается открытым вопрос о том, куда в этом случае следует относить тексты о богатырях, имеющие прозаическую форму.

Данный вопрос рассматривает А.М. Астахова, выделяя три типа видоизменения былин: во-первых, побывальщина – «устные рассказы, в которых ощущается еще крепкая связь с былиной по содержанию, и по стилю, хотя они утратили не только напев, но и стихотворную структуру»; во-вторых, рассказы о богатырях, которые «сохраняют связь с былиной только в содержании сюжета в целом и в содержании отдельных эпизодов»,

такая форма по стилю уподобляется сказке; в-третьих, «некоторые рассказы о богатырях по типу преданий и легенд» в фольклоре других стран. Сказка, имея былинный сюжет, отражает в большей степени бытовые сцены, не изменяя полностью былины, положенной в основу [5, с. 3-6].

Исследовательница пишет, что «исполнитель часто отбрасывает напев, видимо его затрудняющий, ставящий определенные рамки, в которые уже не вложить создаваемый им текст, и переходит на размеренную декламацию» [5, с. 250]. В 20 – 30-е годы «сказковый стиль» стал встречаться все чаще в связи с набирающим обороты процессом угасания былинного жанра.

Вопрос о проблеме прозаических текстов рассматривает и П.А. Бессонов. Он указывает на главное отличие сказки от былины. Так, по его мнению, «былина имеет строго определенный характер; в ней всегда определены имена, или исторические или как исторические; также точно определена местность, указано по-своему время события; склад определенный...» Из этого определения следует, что даже бытование былины в прозаическом бытовании сохраняет ряд специфических черт.

Таким образом, прозаические тексты – это результат трансформации традиционного былинного жанра, где былина и сказка отличаются не только формой произведения, но и самим содержанием. Сказка, по мнению В.Я. Проппа, превращает подвиг в забавное приключение. Былина и сказка – это разные образования, имеющие разное отношение к повествованию. Они имеют разное происхождение, разную историческую судьбу. Исходя из этого, былинный сюжет, заключенный в прозаический текст не будет относиться к эпосу. [27, с. 260-263]

Итак, при определении жанра прозаического текста важно обращать внимание не столько на сюжетную принадлежность, сколько на поэтику и наличие строго определенных былинных черт, являющихся ключевым фактором при разграничении былин и других прозаических форм.

1.1.2.2. Синкретичные формы былинных текстов

На протяжении продолжительного бытования былин, на них могли оказывать влияние другие жанровые формы, что в последствие дает возможность выделять синкретичные формы былинных текстов.

Так, В. В. Сиповский выделяет группу «былин-легенд», отражающих «влияния церковной книги» и переходящих в духовные стихи. В свою очередь, Н.П. Андреев выделяет еще и группу сказочно-фантастических былин и особую группу былин пародийного характера, которые ученые все же выносят за пределы былинного жанра, рассматривая как особый жанр, генетически связанный с былинами. П.Д. Ухов, кроме былин героических, социально-бытовых и волшебных-сказочных, выделяет еще одну группу – «былины, возникшие на основе преданий и исторических песен XVI – XVII вв.». Эта группа получила название былины-баллады, но большинство ученых объединяют былины-новеллы и былины-баллады в одну группу, так как провести между ними границу довольно сложно.

В.Я. Пропп, разрабатывая классификацию былин, отмечает, что «былина также не представляет собой жанра, как и сказка. Однако, не являясь жанром, она включает в свой состав несколько различных жанров» [28, с. 53-55].

Так, ученый выделяет группу былин синкретичных, то есть былин сказочного характера, где антагонистом героя является женщина. В отличие от сказок, где женщины выступают в роли беспомощных существ, требующих спасения, женщины былин чаще всего коварные и демонические, воплощающие в себя некое зло, которое должен уничтожить герой. К таким былинам относятся «Добрыня и Маринка», «Иван Годинович», «Потык» и другие. Наряду с былинами сказочного характера в эпосе присутствуют и сказки, распеваемые былинным стихом. Такие произведения нельзя относить к былинному жанру только на основании одного этого признака [28, с. 55].

Еще одной группой, отображающей жанровую контаминацию, являются, по В.Я. Проппу, былины новеллистические. Сюжетным ядром здесь выступают события городской жизни, например, любовные приключения, похищения невест, распри городских фамилий и т.п. [28, с. 56]. Сюда включаются былины с реалистически окрашенным повествованием, где большую роль играет женщина. Они довольно разнообразны. В эту группу входят былины о сватовстве, например, «Алеша и сестра Петровичей», которая является спорной в отношении принадлежности к жанру былины или баллады. Промежуточное положение между сказочными и новеллистическими занимает былина об отъезде Добрыни и неудачной женитьбы Алеши [27, с. 56].

Вопрос синкретизма былин с другими жанрами нами освещается на основании наличия таких текстов на территории Приенисейской Сибири. Об этом будет изложено более подробно во второй главе данной работы.

1.1.3. Понятие былинного цикла

Наша работа направлена на рассмотрение былинных текстов об Илье Муромце, которые традиционно относят к Киевскому циклу, поэтому мы считаем оправданным обращение к понятию «цикла».

В науке слово «цикл» понимается различно. В работе В.Я Проппа «Русский героический эпос» приводятся различные определения данного понятия.

1. Под циклом понимаются песни о героях, находящихся на службе у одного и того же государя. Сюжеты песен между собой не всегда связаны; каждая песня составляет нечто цельное и законченное; тем не менее, герои песен, объединенные одной службой, друг друга знают и друг с другом встречаются. В Западной Европе к таким циклам относится кельтский цикл короля Артура, франкский цикл короля Карла. Некоторая часть наших былин объединяется в былины владимилова или киевского цикла [27, с. 58-59].

2. В русской науке под циклом иногда понимали песни одной местности или одного района. Так, новгородские былины иногда называются былинами новгородского цикла [27, с. 58-59].

3. Неоднократно можно встретить слово «цикл» в применении к песням об одном герое. В этом смысле можно говорить, например, о песнях разинского цикла [27, с. 58-59]. Добавим, что в данном случае речь идет о сюжетах, связанных одной местностью.

Одну из первых классификаций выделяет В.Г. Белинский, разделяя былина на киевские и новгородские. Далее такое деление ляжет в основу исторической школы, которые будут классифицировать былины по принадлежности их к определенной территории.

Былин, рассматриваемые нами далее, будут описывать героев киевского, или владимирского цикла, поэтому он будет описан более подробно.

В этих былинах богатыри собираются вокруг двора князя Владимира. Киев – центр, который влечет героев, призванных защитить от врагов родину. Они киевские не по своему происхождению, а по своей идейной направленности.

Одним из основных образов в этих былинах является образ князя Владимира. В.Я. Пропп отмечает, что с течением времени образ Владимира менялся, князь приобретал черты, изначально несвойственные для легендарного правителя, во многих былинах он труслив, подл, зачастую намеренно унижает героев [27, с. 65].

Говоря о распространении былин этих циклов в дальнейшем, ученые установили, что именно все основные герои и основные сюжеты Киевского цикла известны по всему Северу. Это — не севернорусская, не поздняя особенность данного эпоса, это — позднее и, конечно, не совсем точное, но в общем правильное отражение исконного положения вещей [27, с. 66].

Правомерно будет указать, почему рассматриваемую группу текстов мы относим к описанному выше циклу.

Так, былины и их синкретичные формы объединены общим образом Ильи Муромца. Также наблюдаем в некоторых текстах упоминание о князе Владимире или столице киевской Руси. В ряде былин есть упоминание других богатырей этого цикла, например, Добрыни Никитича.

Оговоримся, что относятся они с долей условности, так как не сохраняют полностью признаки цикла, что мотивированно территориальной и временной характеристикой.

Итак, деление былин на циклы было условным и происходило, в первую очередь, по признаку географической принадлежности. С течением они распространялись по всей территории России и дальше сохранялись, претерпевая изменения, но сохраняя отголоски, с помощью которых можно условно отнести их к определенному циклу.

При литературоведческом анализе внимание уделяется выявлению мотивов в произведении. В нашей работе данный термин будет являться основой всего анализа, поэтому правомерно будет представить их определения.

Мотив (по А.Н. Веселовскому) – повторяющийся элемент фольклорного и литературного повествования. Мотив не выражен в повествовании, он репрезентирован событиями, подобными в своем содержании. То есть мотив – обобщение содержательно подобных событий.

Основой мотива выступает собственно действие (то есть мотив динамичен, предикативен). Также важна связь с героем и хронотопом. Это проявляется на уровне разных произведений, что позволяет варьироваться одному мотиву от текста к тексту, при этом оставаясь самим собой, так как различные варианты мотива не исключают, а взаимодополняют друг друга [37].

По А.Н. Андрееву, цепь мотивов образует сюжет рассказа, сдвигает сюжетную ситуацию через новое событие в новую ситуацию. Мотив как таковой в повествовании рассматривается с точки зрения художественного задания и смысла сюжета и произведения в целом. Он представлен только в

последовательности событийных реализаций в повествовательном ряду. Изолированный анализ мотива противоречит его интертекстуальной природе.

Таким образом, в основу нашего анализа положен мотив, посредством которого будут происходить сопоставления на уровне изменения мотивом, вычленение их вариантов.

1.2. Проблема регионализма в фольклористике

Фольклорная традиционная культура всегда локальна и региональна как в историческо-социальном, так и в пространственном отношении, поскольку этнический коллектив занимает определенное пространство, обладающее своими географическими, природными и иными характеристиками. Поэтому фольклор следует рассматривать как «систему локальных традиций» [31, с. 158].

В Отечественной фольклористике накоплен большой материал по очагам локальной культуры. Общепризнанные признаки вычленяются из локальных традиций в виде обобщений и универсалий. Следовательно, региональное/локальное справедливо рассматривать как конкретное воплощение и вариации общепризнанного, с оговоркой, что это лишь абстрактное обобщение вариаций; в реальности же региональные традиции варьируют по отношению друг к другу [31, с. 159].

Само понятие региональности сводится к наличию специфики данной фольклорной культуры. Б.П. Путилов, ссылаясь на В.М. Щурова, выделяет следующие моменты: различие в природном окружении, различные исторические обстоятельства, хозяйственный и бытовой уклад. Затем уже подключаются факторы, связанные с творческой деятельностью самих носителей культуры [31, с. 160].

Таким образом, региональная специфика - это результат поддержания и преодоления более древних качеств, связанных с ранними фактами истории.

Данная проблема рассматривается иначе, если мы говорим о регионах, образованных в результате миграции. К таким относится и Приенисейская Сибирь, которую мы будем рассматривать в контексте нашей работы. По мнению Б.П. Путилова, формирование русского населения происходило здесь не на родоплеменной основе, а путем массовых переселений как целостных коллективов, так и разрозненных групп. При этом местные традиции начинали свое образование путем синтеза и трансформации разнолокальных культурных феноменов [31, с. 161].

При данном подходе фольклорный репертуар таких зон не обладает своей особой доминантой. Специфика будет выражаться в наличии или отсутствии каких-то жанров и жанровых разновидностей, сюжетных циклов, характером местных вариантов и особенностями их функционирования [31, с. 163].

Ряд исследователей говорят о том, что к концу XIX в. жанр былин начинает образовывать своего рода «очаги» или «гнезда». Наибольшее распространение этот жанр получает на территории европейской части русского Севера. Он является наиболее ярким примером хранителя фольклорной культуры, в частности былинного эпоса, отличного в поэтическом и содержательном отношении [31, с. 164-165].

По сравнению с Севером менее богатую эпическую традицию имеют центральные и южные области. В этих районах отмечается, что сюжетный состав здесь беднее, представлен фрагментарно, укорочено, а многих известных сюжетов не обнаруживается.

В южной части среднего Поволжья большая часть былин – это тексты, разложившиеся в прозаический пересказ, или превратившиеся в сказку. Стихотворные тексты имеют укороченные варианты и не так пышно разработаны, что сближает с южноказачьей традицией.

Помимо Севера, наиболее богатыми былинными гнездами стали западная и южная Сибирь, составившими несколько сборников. По мнению А.М. Астаховой, если бы на этой территории была произведена более

тщательная собирательная работа, какая была на территории Севера, то Сибирь дала бы более богатые и ценные собрания [5, с. 217].

В средней России выделяются только единичные варианты, относящиеся ко времени собирания П.В. Киреевским, а также отдельные случайные записи более позднего времени. В XX в следы данного жанра сохраняются здесь лишь в сказках.

Тот факт, что наибольшее распространение былины получили на территории Севера, поставило перед учеными вопрос о том, когда и как эпос проник в эти районы. О том, что былины сложились не здесь, свидетельствует их сюжетный состав, где представлены определенные исторические события, лица и города других территорий. Поэтому было предположено, что былины появились здесь вместе с пришедшим населением с юга, о чем может свидетельствовать бытование киевского былинного цикла, рассматриваемого в данной работе.

О причинах сохранности эпоса на севере, А.М. Астахова обращается к исследователю А.Ф. Гильфердингу. Он ставит главной причиной в этом вопросе свободу и глушь. По его мнению, «народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства <...> крестьянин не терял сочувствия к идеалам свободной силы» [5, с. 227]. Глушь же охраняла от различных культурных и промышленных влияний других районов, что оказало благотворное влияние на сохранение художественной культуры северного крестьянина.

Исследовательница соглашается с утверждениями А.Ф. Гильфердинга, но с оговоркой: богатырские образы – это воплощение мечты для закрепощенного народа, идеал физической и духовной силы, поддерживающий стремление к свободе. Поэтому этот образ характерен для всего русского крестьянства [5, с. 228-230].

И здесь стоит отметить, что развитая идея государственного, а не личного – на Север переселялись люди государя – способствовала

популяризации киевского цикла, так как именно в нем ярче всего проявлялась идея служения князю.

К другим специфически северным особенностям, способствовавшим сохранению здесь эпоса, относится характер промыслов. Искусство Севера теснейшим образом связано с артельной формой труда, что позволяло обмен творчеством, в отличие от разобщенных крестьян аграрных районов [5, с. 266].

Также А. М. Астахова указывает на то, что именно во время зверобойного, рыбного, охотничьего и лесного промыслов «выдавались такие моменты, когда промышленники самыми условиями промысла были обречены на бездействие. Эти промежутки промышленники заполняли рассказами, сказками, песнями [5, с. 239-240].

Итак, былинный жанр распространился на территории всей России, но именно Север стал хранилищем данного эпоса. Этому факту поспособствовал целый комплекс условий, благоприятных для жизни эпоса в устной традиции северных территорий, отсутствие которых центральных районах способствовало быстрому угасанию жанра.

Мы видим, что северные былины были объектом рассмотрения многих исследователей в разное время. Что касается былин Приенисейской Сибири, то эта область является еще мало изученной, поэтому данную работу мы посвятили именно вопросу былин Приенисейского региона, чтобы показать ее специфику в сюжетном отношении.

При рассмотрении вопроса о бытовании былин в Приенисейской Сибири нужно рассмотреть, когда и кем записывались тексты.

Об обилии записей, производившихся в течение последнего тридцатилетия в разных уголках России и Сибири, свидетельствуют многочисленные сборники «бытовых» песен, появившиеся за это время, и значительное число сотрудников, приславших свои записи песен известным собирателям: Киреевскому (Даль, Языков, Якушкин), Шейну и др.

Исследователь Дмитриева С.И. указывает сборники былин, где присутствуют записи из рассматриваемой нами территории. В одном из них — «Русские былины старой и новой записи» — 7 включены опубликованные в 1880—1890 гг. былины, собранные С. И. Гуляевым в Южной Сибири, И. А. Худяковым — в Якутской области, Е. В. Барсовым — в Олонецкой губернии, П. С. Ефименко — в Архангельской губернии, Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем — в Архангельской и Олонецкой губерниях, А. Савельевым, А. Пивоваровым, И. И. Железновым, П. Г. Мякушиным — у донских и уральских казаков [14, с. 12].

Автор отмечает, что записи былин в основном происходили на европейском Севере, однако в сибирских губерниях выделяются Томская (29 былин) и Енисейская (12 былин), где бытовали тексты, рассматриваемые в нашей работе, а также Якутская область (15 былин).

Рассматривая распространение героических былин в Сибири, дается следующая картина: в Томской губернии записано 29 былин (6 — в Бийском округе, 23 — в Барнаульском); в Енисейской губернии — 11 (9 — в Енисейском округе, 1 — в Минусинском, 1 — в Ачинском); в Иркутской губернии (Иркутский уезд) — 2 былины; и, наконец, в Якутской области — 15 былин (4 — в Верхоянском и 11 — в Нинеколымском округе).

Из числа сделанных здесь записей былин 27 принадлежат С. И. Гуляеву («Былины и исторические песни из южной Сибири». Новосибирск, 1952); две — Г. Н. Потанину (Г. И. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии. «Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом», вып. VI. СПб., 1864, стр. 96 и сл.) [14, с. 85-86].

Ряд исследователей указывали на связь былин из Енисейской, Иркутской губерний и Якутской области с потоком переселенцев с Севера. Например, В. Г. Богораз, записавший 11 былин в Нижнеколымском округе, изучив наречие русских Колымы, пришел к заключению, что это наречие принадлежит к северным, окающим говорам [14, с. 86].

Если основную массу первых поселенцев в Сибири составляли выходцы из северных губерний, то в последующий период, в конце XVIII в.— начале XX в., особенно же в XIX в., в Сибирь переселялись главным образом крестьяне из черноземной полосы.

О родстве сибирской эпической традиции с севернорусской писали и последующие исследователи. С сибирской былинной традицией связывают былины из сборника Кирши Данилова. Я. Р. Кошелев связывает этот сборник с Восточной Сибирью, а более точно — с Красноярским краем [14, с. 87].

В сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» указывается, что само бытование былинных традиций отмечено главным образом у крестьян, а первые записи сделаны раньше П.Н. Рыбникова в западной части Русского Севера и раньше выхода «Песен, собранных П.В. Киреевским». Однако записи эти были редкими (Г. Пейзен, Н.А. Костров И.А. Чеканинский – в минусинском районе, А.А. Макаренко – в Ужуре).

Всего в этих районах отмечено 48 сюжетов и 172 записи, что выделяет Сибирь на фоне других территорий своей обширностью.

Но стоит сказать, что большинство текстов представляют собой формы, восходящие к традициям восточной части Русского Севера. Это видно при соотнесении местных текстов с аналогами. Хотя отмечается и ряд отличий: бытование разных версий одного произведения свидетельствует о смешанном составе населения этого района.

Итак, мы рассмотрели былины Приенисейской Сибири на предмет изученности и выявили, что интерес к этой территории стал проявляться ближе к XX веку, до этого сборы текстов проходили небольшими очагами и редко. Следовательно, мы подтверждаем выдвинутое ранее положение о малоизученности региона в специфике сюжетных характеристик былинного жанра.

Основой фольклора любого народа, безусловно, стоит считать местные традиции. Без знания их традиций нельзя точно судить, являются ли фольклорные факты локальными и какая у них степень общенародности.

Местные традиции познаются только в сравнении различных черт. Выявленные общие для нескольких, для многих в какой-то географической области или для почти всех местных традиций фольклорные факты составляют ту основу, которая эти традиции объединяет. Фольклорные факты, чье бытование ограничено пределами одной традиции, определяют ее особенности, за что и заслуживает эпитета "местная".

Основную роль в этом вопросе сыграла работа Ю.И. Смирнова «Местные традиции. Уровни опознания местного». Ученый выдвинул ряд предположений, ряд из которых представляют интерес для нашей дальнейшей работы.

Ю. И. Смирнов предлагает проводить исследование на нескольких уровнях и по ряду фактов. Представим те, которые актуальны для данной работы.

1. Уровень набора жанров, их разновидностей или тематических групп.

Различия текстов по составу придают местным традициям конкретный облик. Соответствующая роль жанровых разновидностей и тематических групп, пожалуй, сильнее подчеркивает различия между местными традициями, нежели простая представительность жанров [40].

2. Уровень параллельных форм (сюжетов-дублей).

Как правило, они соотносятся между собою в эволюционном плане. Великое их множество открывается при самом беглом знакомстве с традициями южных славян. Поменьше их у восточных славян.

Каждая форма была порождена в какой-то местной традиции, откуда стала мигрировать со своими носителями. Она могла получить как конкретный ареал бытования, как и всеобщее признание и распространение. Наличие двух и более параллельных форм в одной местной традиции указывает на её смешанный характер. На Русском Севере обычно, а в Сибири все русские эпические традиции, по нашим наблюдениям, имеют смешанный характер [40].

3. Уровень произведений.

Здесь можем говорить о произведениях эндемиках – текстах, чье бытование распространено в одной единственной местной традиции. В каждой местной эпической традиции Сибири бытовали эндемичные русские произведения так же, как и в других регионах России [40] .

4. Уровень версий произведения.

Распространенное бытование какого-либо жанра, его разновидности или даже отдельного произведения порождает версии-истолкования, обработки и перелицовки текста, с изменением ролей персонажей, с заменой имён, мест действия и прочими переделками. Говоря о версии, стоит упомянуть, что она имеет локальную ограниченность, так как создается одним исполнителем со своими способностями и слабостями.

Версия может вытеснить из бытования своих предшественниц, а при благоприятных условиях — затем превратиться в параллельную форму, в новое произведение, вполне освящённое уже традиционной предысторией усвоения, исполнения и передачи. А разные версии одного и того же произведения определенно отделяют одну местную традицию от другой [40].

Таким образом, по мнению Смирнова, различие местных традиций можно провести также на каком-либо уровне элементов, составляющих текст — на уровне мотива, типического места, формулы, устойчивого словосочетания, эпитета и др. Особенности форм открываются в каждой хорошо обследованной местной традиции, являясь оттенками и переливами традиционного.

Из положений Ю.И. Смирнова нам будут особенно интересны при рассмотрении текстов во второй главе уровень версий и уровень параллельных форм. Важно проследить, какие изменения произошли в тексте, остались ли они только на уровне сюжета или последовали изменения на уровне специфики героев и в способе изложения былины и ее лексического состава.

Выводы по главе 1

1. Содержание былин вырабатывалось в течение X, XI и XII веков, а установилось во вторую половину удельно-вечевого периода в XIII и XIV веках. В XIX в. былины начинают определять как «песни богатырские». Отличает этот жанр от исторических песен категория вымысла. Так, в основе былин лежит сюжет, который не отображает реальные события. Герой былин – это собирательный образ русских защитников, наделенный великой силой, величина которой несколько гиперболизирована.

В более позднем бытовании былины приобретали синкретичный характер, то есть трансформировались под влиянием других жанров или вбирали их элементы с былинное содержание. Синкретичные формы текстов нельзя считать собственно былинами, так как переработка приводила либо к изменению поэтической формы текста, либо к изменению самого сюжета.

2. Бытование былины было распространено на всей территории России, однако наиболее прочно этот жанр укрепился на Севере и в Сибири, где до начала XX в. собирателям удавалось записывать былины и их синкретичные формы. Ряд исследователей полагают, что сохранение в этом регионе обусловлено образом жизни местных жителей и территориальной удаленностью от центра, где разложение рассматриваемого нами жанра произошло значительно раньше. Фонд былин в этих областях определяется версиями общерусских былин и сюжетами-дублями, которые могли вытеснить предшествующую форму бытования или трансформировать ее на разных уровнях.

ГЛАВА 2. БЫТОВАНИЕ ТЕКСТОВ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

2.1. Сюжеты об Илье Муромце в разных жанровых формах на территории Приенисейской Сибири

В теоретической главе были представлены различные классификации относительно былинных текстов. Как было отмечено, все они объединяют тексты на основе общих сюжетов.

Произведения Приенисейской Сибири не отражают в полном объеме общерусскую классификацию. Причина этого заключена в более узком сюжетном составе региональных текстов, что выявляется путем сравнения региональных версий со сборником А.М. Астаховой «Илья Муромец», где исследовательницей объединены тексты в зависимости от их сюжетного состава.

Каждая группа, выделенная исследовательницей, включает от одного до семи текстов, которые имеют незначительные расхождения в присутствии/отсутствии мотивов.

Так, в сборнике выделяются следующие группы:

1. Получение силы (исцеление Ильи-сидня, Илья Муромец и Святогор);
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник;
3. Илья Муромец и татарское нашествие;
4. Илья Муромец и Идолище;
5. Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвалящик;
6. Бой Добрыни с Ильей Муромцем;
7. Бунт Ильи Муромца против князя Владимира;
8. Илья Муромец и голи кабацкие;
9. Илья Муромец и разбойники;
10. Три поездки Ильи Муромца;
11. Илья Муромец на Соколе-корабле;

12. Илья Муромец на Волге [6]

Мы видим здесь 12 групп, однако лишь некоторые из указанных сюжетов бытовали на территории Приенисейской Сибири. Опираясь на дореволюционные публикации и архивные записи, были выделены следующие сюжетные группы:

1. Исцеление и получение силы (три прозаических текста)
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник (одна былина и два прозаических текста)
3. Илья Муромец и князь Владимир (одна былина и один прозаический текст)
4. Илья Муромец и разбойники (одна былина)
5. Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвалящик (одна былина)
6. Илья Муромец на Соколе-корабле (двенадцать текстов-виноградий)

Изучение материала позволяет увидеть существование в местной традиции не только собственно былин, но и синтетических форм. Одна из них представлена группой прозаических текстов, реализующих былинный сюжет. Другая группа представляет собой «Виноградья». «Виноградьями» называли святочные заклинательно-поздравительные песни, исполняемые колядовщиками во время обрядовых обходов дворов [24]. В местной традиции такие песни представляли собой совмещение собственно виноградий и былинного сюжета. Главным героем в произведении выступал Илья Муромец.

Предположительно, сюжеты, которые закреплялись и сохранялись на рассматриваемой нами территории, являлись наиболее популярными в данном жанре. Отсутствие же других сюжетов связано с исторической действительностью.

Так, например, мы видим отсутствие мотива боев героя с татарами. Выпадение данного мотива мы объясняем отсутствием столкновений с

этническими врагами на момент записи текстов. Можно предположить, что утрата этого мотива привела к исчезновению сюжета в местной традиции.

Добавим, что сюжеты, которые бытовали в Приенисейской Сибири, трансформировались, вследствие чего наблюдается выпадение ряда мотивов, сюжетных элементов или включение новых мотивов, о чем будет подробно сказано в следующих параграфах при разборе собственно былин, виноградий и прозаических текстов.

Представляя региональную классификацию, мы отметили, что усеченный корпус сюжетов представлен не только в собственно былинах, но и в прозаических текстах. Так как произведения представляют собой разные жанровые формы, уместно их дифференцированное рассмотрение. Нами выделены три группы текстов об Илье Муромце.

Первая группа включает три местные версии собственно былин:

1. «Былина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного» (см. прил. А) записана А. Александровым в 1893, с. Рыбное на Ангаре;
2. «Илья Муромец и разбойники» (см. прил. Б) записана А. Савельевым в феврале 1911 г., д. Яркино Пинчугской волости Енисейской губернии;
3. «Про Илью про Муровца» (см. прил. Д) записана И.А.Чеканинским в 1913 г., д. Выдрино на среднем течении р. Чуны, левого притока Ангары.

Данные произведения обладают всем набором признаков былинного жанра: стихотворная форма изложения, сохранение музыкальности, наличие богатыря, героический характер содержания, поэтический вымысел. Как отмечалось в первой главе, в текстах былин не отображается реальность, исторические события представлены обобщено.

Такие тексты, согласно Ю.И. Смирнову, рассматриваются как версии общерусских произведений, то есть имеют в основе известный сюжет, имеющий ряд отличий в какой-либо отношении.

Другая группа текстов – виноградья. В архиве Красноярского краеведческого музея хранится одиннадцать текстов. Песни записывались в населенных пунктах Красноярского края и Енисейской губернии: г. Енисейск (собиратель: Е.А. Веселов, 1874); с. Богучаны, д. Пинчуга (собиратель: П.Т. Воронов, 1905 г.); д. Карышенская (собиратель: М.В. Красноженова, 1926 г.); с. Батой (собиратель: М.В. Красноженова, 1927 и 1928 гг.); д. Шумково (собиратель: М.В. Красноженова, 1927 г.); с. Есаулово (собиратель: М.В. Красноженова, 1927 г.); г. Енисейск (собиратель: А.М. Мехнецова, 1977 г.).

Третья группа региональных произведений представлена прозаическими текстами:

1. «Илья Муромец» (см. прил. В) записан Гуревичем А.В., с. Заледеево, Емельяновского района, Красноярского края;
2. «О старом казаке Илле Муравце» записан А.А.Савельевым в августе 1912 г., д. Ярки на нижней Ангаре;
3. «Илья Муранец и Игор Свитагор» (см. прил. Е) записан Бончковским Р.Н. в 1925, д. Еловая Красноярского края;
4. «Об Илье Муромце» (см. прил. Ё) записан И.А. Чеканинским, с. Вознесенское Красноярского уезда Енисейской губернии.

Данные тексты в художественном отношении нельзя считать былинами, так как они испытывали на себе влияние других жанров (анализ в параграфе 4). Отметим только, что одной из причин создания произведений в такой форме могло стать забывание первоисточника, который переложили в прозаическую форму, сохранив основной сюжет.

Итак, мы обозначили сюжетный корпус текстов и обозначили их группы по форме бытования. Теперь остановимся подробнее на каждой из групп, обозначая региональную специфику на уровне сюжетных мотивов.

2.2. Приенисейские былины об Илье Муромце

Как мы указали выше, региональные былины представлены тремя текстами. Все они включают разные сюжеты, поэтому для выявления региональной специфики местные былины мы сопоставили с общерусскими вариантами из сборника А.М. Астаховой. Заметим, что местные и общерусские варианты реализуют один сюжет. Сравнительная работа позволит определить сходство и отличие былин на мотивном уровне. Это даст возможность говорить о наличии/отсутствии специфики в приенисейских былинах.

«Былина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного» (см. прил. А) представлена контаминацией двух сюжетов: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец на пиру у князя Владимира». Соединение двух сюжетов в одном тексте является региональной особенностью. Общерусские версии представляют собой один сюжет.

Данная былина включает в себя мотив встречи с Соловьем-разбойником, мотив ее случайности, мотив дара, мотив пира у князя и участия на нем обжоры, мотив недостойного поведения этого персонажа и мотив спасения князя Ильей.

Опишем подробно каждый:

Первый мотив — встреча с Соловьем-разбойником — во многом соответствует общерусской традиции. Первая схожая черта — это противостояние Ильи Муромца и Соловья-разбойника. Встреча персонажей происходит на дороге:

Как по этой-сей дороге там и зверь сидит,
Там и зверь сидит, ребята, худой бОгатырь

Однако в отличие от общерусских вариантов Илья случайно встречается с Соловьем, который останавливает коня свистом. Далее Илья сбивает Соловья стрелой

Вынимает брат Илюша калену стрелу

И сымает Илюшенько тушу страшенную

Снятие разбойника с дерева стрелой встречается в текстах в сборнике А. М. Астаховой. В некоторых вариантах этого сборника присутствует мотив «послушливых стрел».

Данный мотив привлек внимание ученого Н.Ю. Новикова. Исследователь указывает на магическую силу слова, которой заговаривают стрелы. «Магическая формула обязательна для исполнения независимо от того, кто ею пользуется; важно знать «тайное слово» и правильно его произнести, а «материализация» заклинания гарантирована. Богатыри же обращаются к своему оружию, которое послушно только хозяину» [22].

В региональном бытовании этот мотив утрачивается. Не наблюдается упоминаний и о магическом слове. Богатырь побеждает Соловья только благодаря своей храбрости и дарованной ему силе.

Далее в местном произведении Соловей привозится в качестве подарка князю:

Принимай-ко, князь, дороги дары,
Дороги дары - Соловья-разбойника!

В общерусских вариантах данный мотив отсутствует. Отличие наблюдается в отсутствие мотива неверия князя. В сборнике былина осложнена социальной напряженностью. Князь не верит Илье Муромцу, когда тот привозит Соловья-разбойника. Илья, чтобы доказать, что привез настоящего Соловья-разбойника, просит его посвистеть вполсилы. Однако последний ослушивается богатыря, вследствие чего убивает/сбивает с ног всех людей, кроме Ильи Муромца.

Таким образом, утрачивается мотив неверия и мотив доказательства. Благодаря этому былина снимает социально-политическое напряжение. Мы можем предположить, что такое выпадение могло стать результатом забывания. Также на утрату этих мотивов могла повлиять территориальная удаленность. У исполнителей былин отсутствовало общение с властью, следовательно, тема отношения власти с народом не была для них актуальна.

В финале сюжета о Соловье в местном варианте наблюдается особенность в виде усечения сюжетной схемы. В сборнике А.М. Астаховой все былины заканчиваются казнью Соловья-разбойника. Такой же финал имеет данный мотив в прозаических текстах Приенисейской Сибири. Например, в одном из местных текстов мы видим следующее: «Соловей-разбойник свистнул во весь свист и удушил весь народ. За это его Илюша казнил» (см. прил. Ё). Но рассматриваемая нами региональная былина утрачивает этот мотив. В финале остается открытым вопрос: что происходит с Соловьем после того, как его передали в качестве дара князю?

Как отмечалось выше, рассматриваемая нами региональная былина контаминированная. Во второй части в тексте реализуется сюжет об Илье Муромце на пиру у князя Владимира. Региональная особенность заключается в изменении мотива пира. Во всех общерусских вариантах князь забывает позвать Илью на пир (иногда причиной становилось крестьянское происхождение богатыря. Простой крестьянин не может сидеть за одним столом с князьями), например:

Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Ильи Муромца
«Илья Муромец в ссоре со Владимиром» [6, с. 230-234]

Далее в названной былине князь приглашает Илью еще на один пир. Однако пригласить Илью Муромца он отправляет других богатырей. В местном варианте данный мотив утрачивается. Илья Муромец сразу приглашается на пир вместе со всеми подданными:

Собирает тут Владимир-князь,
Владимир-князь он великий пир,
Созывает князь всех князей, бояр,
Всех князей, бояр всех богатырей,
Всех богатырей на великой пир

То есть региональной особенностью становится выпадения мотива забывания князя и мотива желания примириться с богатырем через приглашение на второй пир. Такая трансформация приводит к утрате

конфликта между князем и богатырем, отсутствию подчеркивания социального неравенства. Мы видим, как и в первой части былины, снятие политических разногласий прецедентных текстов.

Далее в этом тексте возникает мотив участия в пире «обжоры хлебояного»: «На пиру была обжора, обжорища хлебоядная» (см. прил. А). Отметим, что мотив внезапен: нет упоминания, как и откуда появился гость на празднике. Сам образ «обжоры» присутствует только в местных текстах, нигде не упоминаясь в сборнике А.М. Астаховой, поэтому данного героя можно рассматривать как специфическую особенность регионального бытования.

В связи с образом «обжоры» в произведении появляется мотив недостойного поведения. Персонаж начинает «ломаться, похваляясь», что заставляет Илью Муромца вступить в конфликт с героем.

На наш взгляд, на речь Ильи Муромца повлияла былина об Алеше Поповиче и Тугарине змее. Сравним:

- Да и что же ты, обжора, ломаешься,
Ломаясь, похваляешься?
У попа у нас была корова волочажная,
По поварням та корова волочилась,
Оттого этой-сей корове смерть случилася!

У попа у Левонтья Ростовского
Было старо собачишко дворовое,
По подстолью собака волочилась,
Лебяжею костью задавилася,
Собаке Тугарину не минуть того [29, с. 21-22]

Еще одно влияние обнаружено далее. Илья бьет «обжору» шляпой:
Сымает брат Илюша шляпу черную,
Шляпу черную со головушки,
Он и бьет ей обжору во всю голову,
Прошибает та обжора стену каменну.

Подобную деталь характерна для былины «Добрыня и змей»:

Как ухватил он колпак да земли греческой,
Он шибнёт во Змею да во проклятую -
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов [29, с. 23-25].

Итак, своеобразие местных былин наблюдается в виде включения фрагментов текстов былин об Алеше Поповиче и Добрыни. Такая интертекстуальность былин говорит о знакомстве с прецедентными

текстами, откуда ряд некоторых важных функций передается нашему богатырю. Это говорить о разнообразии фольклорного материала у местных жителей. Отсюда можно сделать вывод о том, что региональной традиции были известны сюжеты не только об Илье Муромце, но и о других богатырях.

Перейдем к финалу сюжета. Илья Муромец избавляет князя от недостойного гостя, за что Илья получает благодарность: «И спасибо же тебе, Илюша». В данном эпизоде прослеживается мотив спасения: богатырь спасает князя, что соответствует общерусской традиции. Однако богатырь избавляется не от иноземных захватчиков, а от пирующего с ними гостя. Мы видим в этом трансформацию, лишаящую былину политико-героического контекста.

В завершении укажем на еще одно влияние на текст, отмеченное Ю. И. Смирновым. В зачине местной былины обнаружена связь с песней «Ермак в казачьем кругу», которая была известна исполнителю [39, с. 244-299]:

Соезжались все богАтыри.
Они думали думу крепкую,
Думу крепкую – заединую.
Что кому из нас, ребята, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом быть, знать, Илюшеньке

Мы можем согласиться с данным предположением, так как выше также отмечено влияние других текстов. Следовательно, влияние казачьего фольклора вполне правомерно в региональной специфике, так как в Приенисейской Сибири было много казаков, чьи тексты могли перемежаться с общерусскими вариантами.

Итак, рассмотренная нами былина представляет собой контаминацию двух сюжетов. Сюжет о Соловье представляет собой стяженную форму, что обусловлено выпадением мотива казни Соловья-разбойника за непослушание. Второй сюжет о пире также трансформирован: он не открывается ссорой с князем или приглашением на пир как забытого в первый раз гостя. Также произведение испытывает внутржанровое влияние:

смешение речи Ильи Муромца с Алешей Поповичем и включение в текст детали (шляпы), которая в фольклорной традиции принадлежит Добрыне. Еще одной особенностью местного бытования является абсолютное выпадение социально-политических конфликтов: богатырь не ссорится с князем, не упоминается низком социальном положении Ильи. Также специфика местного бытования представлена включением в текст уникального героя, который не представлен в общерусской фольклорной традиции.

В следующей былине реализуется сюжет «Илья Муромец и разбойники» (см. прил. Б). Былина практически полностью соответствует общерусскому варианту по развитию сюжета. Илья Муромец встречается с разбойниками на склоне лет: «седы борода, седы волосы». Однако в сборнике А.М. Астаховой разбойников гиперболизированное количество:

Да ему встретилося разбойников,
Да сорок тысяч подорожников [6, с. 268-271]

В региональной традиции гиперболизация отсутствует. Богатырь встречает «двух разбойничков». Уменьшение количества разбойников делает былинку более реальной.

Так же, как и в общерусском варианте, между героями происходит диалог, в котором богатырь то, что есть при нем. Так, например, в одной из былин Илья говорит:

Ищо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего.
Ай казны с собой не случилось,
Только с собой пригодилося
Да один чуден крест полтора пуда,
Он ценою стоит ровно тысячу [6, с. 268-271]

Или:

И взять у старого нечего:
Золотой казны да не случилось.
Тут есь под старым доброй конь:
Он уносит у ветра, у вехоря,
Утягиват у пули свинцовое, Он ускакиват у ядра каленого.
Только есь на старом кунья шуба,
На кормане у старого пятьдесят рублей <...>
Що у той шубы три пугови:

Ишке перва пуговка пятьсот рублей,
И вторая пуговка о тысячу,
И третьей пуговки цены здесь нет [6, с. 267-268]

Мы видим, что в двух вариантах присутствует упоминание о казне, которая непременно должна была быть у богатыря. В нашем варианте о казне упоминаний не обнаружено. Также в общерусских вариантах присутствует описание коня и шубы. И в местной былине происходит оценивание Ильей своей шубы и коня:

Есть на мне шубёнушка
Коротёшенька и худёшенька,
Права то пола – во сто рублей,
Лева-то – во пятьсот рублей,
Спина с рукавами – во всю тысячу,
Конь – во весь миллион

Если в общерусской традиции у шубы оцениваются пуговицы, то в местной – полы. Конь в местном варианте оценивается сам, а в общерусском говорится не о стоимости коня, а о его украшениях:

Конёжки на ножкам семи шёлков,
А семи шёлков — семи рядков,
Да во ногах в пятах драго камень,
Ценой стоят семьсот рублей [6, с. 268-271]

Заметим, что в региональном бытовании таких богатств не описывается. Также региональной особенностью становится оценивание Ильей самого себя как «бесценного»: «Самому-то мне сметы нету-ка», чего не наблюдается в общерусских вариантах.

Таким образом, местный вариант в местном варианте появляется новый мотив – это самооценивание. В остальном текст сохраняет признаки традиционного бытования рассматриваемого сюжета. Эта единственный сюжет, который практически не претерпел трансформации в сюжетном и структурном отношении.

Последняя представленная в местной традиции былина «Илья Муромец» (см. прил. Д) можно отнести к сюжетной группе А.М. Астаховой «Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвальщик». Местная былина схожа в сюжетном отношении с общерусской «Бой Ильи Муромца с сыном».

В региональном бытовании сюжет построен на мотиве боя, не включая другие.

Местной особенностью становится возникновение у сына имени «Удача»: «воёвывал Илья Муромец с Удачей-богатырем», чего не выявлено в других версиях.

Другой особенностью становится большая целостность местного варианта. В общерусской былине встречаем несколько других богатырей, с которыми Илья решает, кого отправить на бой:

Было-жило пять могущих богатырей:
Шьто первой-от богатырь Ванюшко, боярьской сын,
Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да третьей-от Олешенька, поповьской сын,
Да четвертой Добрынюшка Никитиць млад,
Ишше пятой-от — старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Муромець,

Илья отправляет Добрыню, который пугается чужого богатыря и уезжает, вследствие чего Илья Муромец едет на бой сам. В местном варианте это отсутствует, действие начинается сразу сходом Ильи Муромца и Удачи.

Также специфика местной былины отражается через отсутствие мотива предательства: сын не пытается убить Илью во сне, как происходит в общерусском варианте.

Обращаясь к общерусскому варианту, мы наблюдаем следующее: сын обманом завоевывает русские земли:

Заполоню-ту все я руськия черны карабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многих людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Муромця,
Отсеку я по плечь ёму буйну голову

В местном варианте мотив захвата Руси отсутствует, также как и мотив отмщения Илье Муромцу за то, что тот отправил сына матери после попытки убить Илью. Образ злодея-захватчика не переносится в региональное бытование, полностью снижается до уровня простого богатыря, с которым Илья меряется силами.

Отметим, что яркое региональное отличие в том, что в финале Илья Муромец не убивает сына. Возможно, на это повлияла утрата мотива

злодейства против страны, так как в общерусском варианте сына убивают именно за это. В местном варианте былина приобретает бытовой характер, что влияет и на финал произведения.

Таким образом, былина сохраняет только один мотив – бой Ильи Муромца с сыном. Остальные мотивы полностью утрачиваются. Такая трансформация позволяет увидеть более целостный вариант былины. Отсутствие других богатырей и представления сына как врага государства дает возможность обратить внимание основное в сюжете – отношение отца и сына. Такое акцентирование делает образ богатыря приближенным к человеку. Он представляется не как герой, обладающий великой силой, а как обычный человек, способный иметь семью и проявлять человеческие чувства.

Итак, былины об Илье Муромце сохраняют соответствия с общерусскими вариантами, однако мы видим отсутствия мотива боев с тарами (важный сюжет для былин об Илье Муромце). Выше нами была указана причина такой утраты. Также стоит отметить, что былины приобретают социально-бытовой характер: конфликты происходят на пиру, где Илья избавляется от героя, ведущего себя вызывающе; в лесу, где богатыря хотят ограбить; в поле, где Илья обретает сына.

Таким образом, обытовление былин приводит к утрате мотива убийства врагов: не происходит убийство Соловья-разбойника и сына, что было обязательно в общерусских вариантах былин.

2.3. Былинная тема в святочных виноградах

Ранее мы обозначили присутствие в фольклорной традиции Приенисейской Сибири виноградий, где главный действующий герой – Илья Муромец. Синкретизм былинного и святочного жанра не позволяет относить такие произведения к собственно былинам или собственно виноградам, поэтому мы рассматриваем их отдельной группой текстов.

Региональные винограды представляют сочетание традиционного припева святочной песни с текстом былины. В ряде версий вы видим четкое разделение былинного сюжета и колядки. Например, в одном случае исполнительница разделяет текст на два отдельных фрагмента:

На этом винограды кончается про Илью Муромца, а теперь уж, значит,
«Придут ребята-колядовщики»... (см. прил. Ж)

В местной традиции в «винограде» включалась былина, реализующая сюжет «Богатырь на Соколе-корабле». Заметим, что этот сюжет бытовал исключительно в форме виноградов. Ни былины, ни прозаические варианты не включали сам сюжет или его мотивы в свой состав.

В сборнике А.М. Астаховой сюжет о Соколе-корабле, представленный двумя версиями. В былинах описывается сам корабль, хозяином которого является Илья Муромец. Далее корабль пытается захватить турецкий хан, но пугается богатыря и отступает.

В региональном бытовании винограды с данным сюжетом можно условно разделить на три группы: первая – полностью сохранен былинный сюжет (два текста), вторая – присутствует выпадение элемента о турецком хане (три текста), третья – включение в сюжет новых элементов (три текста).

Все тексты включают следующие мотивы: мотив движения корабля, мотив богатства при описании корабля, мотив «послушливых стрел» Ильи Муромца, мотив страха, мотив угрозы захвата корабля. Эти мотивы представлены и в былинах из сборника А.М. Астаховой.

В третьей группе присутствуют элементы, которые не были представлены в общерусском бытовании. Это появление трех кораблей (см. прил. Р), трех девушек (см. прил. М), «Матушки-Москвы» (см. прил. Н), вышивание «ширинок» (см. прил. К, М, П).

Различие местных текстов наблюдается уже в зачине. Так, тексты, более тяготеющие к виноградам, начинаются они с просьбы разрешить пение обрядной песни: «Прикажи, сударь-хозяин,/Винограды спеть». Далее следует припев виноградов:

Винограды красно-зеленые.

Как прикажешь-так споем,
Не прикажешь-прочь пойдём.
Виноградье красно-зеленое. (см. прил. М)

Однако большинство песен начинается следующим образом:

По синему морю по Хвалынскому
Виноградье красное зеленое.
Ходил-гулял Сокол-корабль (см. прил. И)

Былинный сюжет вытесняет традиционную композиционную часть святочной песни и выходит на первый план. Такое же начало имеют и общерусские былины.

После зачина следует описание самого корабля. Здесь ведущим становится мотив богатства корабля:

А сам корабль был изукрашенной,
Золотым гвоздям сколоченной,
Нос — корма позолоченной.
Бока-то взведены были по-турскому,
По-турскому — по-французскому (см. прил. Н)

Или:

Мачты три были дубовыя,
Реенки были кленовыя,
Паруса были полотняны,
А веревочки-шелковыя,
Все беседки с алым бархатцом (см. прил. Ж)

В общерусских вариантах корабль описывается с помощью зооморфных мотивов: «Нос, корма — по-звериному,/ А бока звездены по-змеиному» [6, с. 284-286]. Мы видим, что в региональном бытовании этот мотив подменяется мотивом богатства. Предположительно, это объясняется святочной приуроченностью. В песнях данного жанра всегда присутствует этот мотив, когда говорится о пожеланиях хозяину. Возможно, в богатом описании корабля скрыты пожелания хозяину дома о благах в следующем году.

Далее песни схожи с былинами из сборника А.М. Астаховой: в двух вариантах гиперболизировано описывается присутствие на корабле трех монастырей, трех кабаков и т.д. Например, в одном варианте:

Еще тут были бани торговыя,
Еще были три базара гостинные,

Еще были три церкви соборныя (см. прил. И)

Также на корабле присутствует три героя: Алеша Попов или Полкан-богатырь (в разных текстах эти герои заменяют друг друга), Добрынюшка. Хозяином корабля в общерусском и местном бытовании является Илья Муромец.

В первой группе текстов описывается о желании турецкого хана захватить Сокол-корабль:

Вот завидел, слышал Илью-Муромца
Турецкой хан
Он сказал своим робятам таковы слова:
- Вы вставайте-ко, робята, поранёшенько,
- Одевайтесь-ко, робята, во легки платья.
(С)тупайте-ко, робята, на сине морё,
Разбей, разбей Сокол-корАбль,
Илью Муромца во полон бери (см. прил. Н)

Так, впервые появляется в региональном бытовании воинская тема, которая отсутствовала в собственно былинах и прозаических текстах.

Илья Муромец посылает свою стрелу на турецкий двор, после чего хан пугается и отступает от своей идеи. Однако большинство текстов не говорит об иноземном захватчике, а описывают самого богатыря:

Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук да приналягивает,
Приналягивает да приговаривает:
- Ты лети-лети, стрела, к самому хану-царю
К самому хану-царю да во зеленый сад (см. прил. И)

Во всех текстах реализуется мотив «послушливых стрел». Мы уже говорили об этом мотиве в традиционном бытовании былин об Илье Муромце, но установили, что в былинах Приенисейской Сибири он утрачивается, а сохраняется только в виноградях. Если богатырь традиционно выпускает стрелу, чтобы остановить врага, то в большинстве местных песен о причинах выпуска стрел не говорится. Отсутствие мотивировки можно считать местной особенностью. Ее можно объяснить влиянием виноградий на былинный сюжет, так как в святочных песнях традиционно отсутствовал мотив боев с кем-либо.

Примечательно, что в шести винарадьях утрачивается мотив этнического противостояния. Илья Муромец вместо ханского двора пускает стрелу в «красноярских песенников» и на двор к «красной-девице». На наш взгляд, последний случай можно соотнести с русской сказкой «Лягушка-царевна». Там Иван-царевич тоже пускает стрелу, чтобы она указала на двор будущей невесты.

Также примечательно при описании Ильи появления упоминания о сапогах и Москве:

Илья Муромец слышал турецкого хана,
Он по кораблю похаживает,
Сапог о сапог поколачивает,
Сам к сапогам приговаривает:
- Сапоги вы, сапоги, издалеча везены,
Издалеча везены, из Матушки — Москвы! (см. прил. Н)

Данный эпизод стоит рассматривать как результат местного творчества. Сапоги, привезенные из другого города, позволяют говорить о влиянии скоморошины на сюжет об Илье Муромце, так как ни в одном общерусском варианте нет упоминаний о сапогах богатыря. Появление упоминания о Москве, предположительно, может говорить, о желании исполнителей актуализировать произведение.

Другой особенностью местных песен является появление трех кораблей:

Выплывали три кораблика,
Виноградье красно-зеленое.
Как на первом корабле,
Да Илья Муромец.
Виноградье красно-зеленое.
На втором корабле
Виноградье красно-зеленое.
А на третьем корабле,
Сидит суженый.
Виноградье красно-зеленое.
(Имя) по кораблику похаживает,
Калену стрелу накладывает. (см. прил. Р)

Или:

Три корабличка.
Виноградье красно-зеленое.
Что на первом корабле
Да три девушки.

Виноградье красно-зеленое.
А на втором-то корабле-
Илья Муромец.
Виноградье красно-зеленое.
А на третьем корабле
Кленова стрела. (см. прил. М)

Интересно, что в первом фрагменте появляется «суженый», который пускает стрелу вместо Ильи Муромца, что наблюдается во всех остальных произведениях. Во втором фрагменте появляются девушки. Включение этих персонажей в сюжет позволяет говорить о введении свадебных мотивов в песни. Однако нет объяснения появлению дополнительных кораблей.

Итак, при рассмотрении виноградий мы увидели синкретизм святочной песни и былинного сюжета. Отметим, что в большинстве местных произведений сохраняются традиционные мотивы. Однако региональной особенностью становится утрата в ряде текстов образа иноземного захватчика, а отсюда и утрата мотива боя с ним. Также в сюжет проникают новые герои, с которыми в тексте связаны свадебные мотивы. Следовательно, наблюдается трансформация привычной былины об «Илье Муромце на Соколе-корабле» на уровне формы и содержания, что не позволяет рассматривать песни однозначно. Также изменился сюжет, где богатырь утрачивает свои черты героя, не защищает корабль от врагов.

2.4. Своеобразие приенисейских прозаических текстов с былинным сюжетом

Перед началом анализа отметим, что в отличие от былин практически все прозаические тексты синкретичны, то есть испытывают на себе влияние других жанровых форм.

На территории Приенисейской Сибири только один прозаический текст «О старом казаке Илле Муромце» (см. прил. Г) не является синкретичным, и сохраняет все признаки былины, кроме стихотворной формы.

В остальных трех текстах наблюдается влияние других жанровых форм:

Так, в тексте «Об Илье Муромце» (см. прил. Ё) наблюдается влияние жанра притчи – приход «Исуса Христа и трех святителей: Миколай угодник, Егорий Храбрый и Илья пророк». Также в образе Ильи наблюдаются черты, которые были характерны для Святогора: «Илюша поймал Соловья-разбойника, кладет его в карман и едет к царю и царице» (см. прил. Ё). Отображение богатыря в виде великана невероятных размеров, наличие царя и царицы – это те признаки, которые дают основание вспомнить о жанре сказки.

В тексте «Илья Муранец и Игор Свитагор» (см. прил. Е) также наблюдается влияние притчи – встреча с «мужичком-старичком», который оказался Богом, наказавшим «Игора Свитагора» за вранье о своей силе: «А это Бог был тот старичок и он наладил гроб Егору Свитагову за вранье».

Предположим, что такое слияние разных жанровых форм связано с размыванием границ разных жанров. Это привело к их слиянию, образованию синкретичных форм. Также причиной могло быть забывание стихотворной формы былин, их ритмической организации.

Несмотря на прозаическую форму бытования произведения, как и былины, содержат сюжеты об Илье Муромце, которые вбирают в себя как общерусские мотивы, так и специфические.

Далее перейдем к анализу на уровне сюжетных мотивов.

Текст «Илья Муранец и Игор Свитагор» (см. прил. Е) реализует сюжет «Получение силы». Илья Муромец получает силу от «Игора Свитагора» после смерти последнего. С образом Ильи в этом произведении связаны следующие мотивы: мотив встречи, мотив получения силы. Остальные соотносятся со Святогором: мотив самовосхваления, мотив наказания за хвастовство, мотив смерти, мотив передачи силы, мотив имени.

Местный текст различается с традиционным сюжетом уже в зачине. В общерусском варианте Илья Муромец встречается Святогора в дороге и,

ударяя его, видит, что тот оказывается сильнее: *«От моей руки никакой богатырь не мог на кони усидеть»*. В местном же варианте богатыри изначально едут вместе. Такое начало произведение создает выпадение мотива «меряния силой». Также в региональном бытовании отсутствует мотив разговора Ильи Муромца с конем и мотив Святогора-великана, в кармане у которого помещается Илья со своим конем. Мы отмечаем наличие последнего элемента в местной традиции, где великаном выступает Илья Муромец перед Соловьем (см. прил.Е).

Другой местной особенностью становится рассказ богатырей о своей силе. Илья оценивает свою силу по своим возможностям. То есть говорит о ней справедливо. Святогор же наделяет себя невероятной силой. Этот рассказ связан с мотивом встречи с «мужичком-старичком», который начинает спрашивать богатырей об их силе. Игорь Ситагор похваляется перед встреченным путником: *«От, говорит, стоял бы здесь столб и в небо впёртый, и было бы в нём кольцо - я бы, говорит, взял одной рукой и повернул весь свет»* (см. прил. Е). Отметим, что мотив поворота земли с помощью столба напоминает местный текст с сюжетом о получении силы Ильи Муромца с помощью калик, где они будут спрашивать богатыря о том, насколько возросла его сила.

Далее «названные братья» в пути наезжают на гроб (мотив смерти), и выясняется, что он предназначен для старшего брата – Свитогора. Это полностью соответствует общерусскому варианту. После чего возникает мотив передачи силы от Свитагора к Илье:

«Вот,- говорит,- как первая пена пойдёт из гроба, ты её не лижи. Как второй пойдёт- лижи». Друг первая пена пошла. Илья Муромец всё время глядел на неё. А вторая пошла – Илья Муромец раз лизнул.

И Игоря Свитагора сила пошла к Илье Муромцу.

Сравним это с общерусским вариантом:

- Ты послушай-ко, крестовый ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Да ты бужешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей [6, с. 16-20]

Мы видим, что процесс передачи одинаков, однако в местном варианте возникает важная деталь – «вторая пена». Возможно, это связано с

религиозными представлениями, где с первым вздохом выходит душа умирающего. Появление второй пены, наделяющей силой – результат трансформации религиозных поверий.

Итак, мы видим, что сюжет несколько отличается от общерусского варианта: утрачивается мотив боя между богатырями, чтобы помериться силами. Особенностью местного варианта становится мера сил на уровне слов/ восхваления самого себя. Мотив боя переходит из физического в словесный. То есть местный текст снижается, становится более бытовым, что подтверждается и включением старика, наказывающим Свитогора за хваставство. Также признаком обытовления можно считать получение Свитагора имени Игор (Егор). Все это подчеркивает социально-бытовой характер былинной традиции в региональном бытовании.

Перейдем к рассмотрению последних двух текстов. Они реализуют одну сюжетную линию с некоторыми отличиями на мотивном уровне, поэтому эти версии уместно рассмотреть в сопоставлении друг с другом.

Особенностью местных текстов «О старом казаке Илле Муромце» (см. прил. Г) и «Об Илье Муромце» (см. прил. Ё) является контаминация нескольких сюжетов, которые в общерусских сборниках относятся к разным текстам. Открываются они мотивом исцеления Ильи Муромца, приходом странников, что соответствует общерусскому варианту былин.

Оба произведения реализуют общерусские мотивы: мотив исцеления, мотив воды как источника силы, мотив получения силы, мотив помощи родителям, мотив покупки коня, мотив встречи с Соловьем-разбойником, мотив выкупа Соловья, мотив неверия, мотив доказывания Ильей своей правоты, мотив пира, мотив ссоры Ильи с князем.

Текст «О старом казаке Илле Муравце» включает ряд новых мотивов: мотив узника, мотив повиновения, мотив осознания князем своей неправоты, мотив смерти.

Текст «Об Илье Муромце» также реализует несколько новых мотивов: мотив сна-предсказания, мотив казни, мотив встречи с отцом Егора Святогора, мотив двенадцати девиц, мотив окаменения.

В тексте «О старом казаке...» странниками были «перехожие каляки», где последнее слово претерпевает диалектные изменения, заменяя «и» на «я». Во втором местном тексте в роли странников выступают «Исус Христос и три святителя: Миколай угодник, Егорий Храбрый и Илья пророк». Следовательно, региональное отличие отображается во влиянии христианства текст. Помощь святого является единственным путем, способным излечить, на территориях, отдаленных от центра России.

Далее странники обращаются к Илье с просьбой. Здесь уже проявляются первые различия. Если в местных былинах они просят воды: «Илюша, вставай-ко съ, дай-ко нам воды напиться» (см. прил. Г), «Встань и дай нам напиться» (см. прил. Ё), то в общерусских вариантах вода проявляется как инструмент получения силы. То есть в местном варианте не вода, а слово исцеляет Илью, тогда как в общерусском варианте именно вода становится источником исцеления богатыря.

Также в местных былинах странники не просят, чтобы их впустили в дом. Вероятно, здесь играет роль тот фактор, что былины записаны в мелких поселениях, где часто дома были открыты для всех, поэтому зайти в дом можно было без разрешения.

Еще одной чертой, проявляющейся в этих текстах, становится полная немощность героя: «Сидел Илья Муромец тридцать лет без рук без ног» (см. прил. Ё). В одном варианте про это не говорится, но мы можем предположить, что эта часть текста потеряна, так как предложение оборвано: «Слыхала, что он тридцать три годы сидел на...» (см. прил. Г). Это говорит о сохранении общерусского представления о герое-сидне и на территории Приенисейской Сибири. То есть образ Ильи Муромца в региональном бытовании и в общерусской традиции общий.

Нельзя оставить без внимания само исцеление героя, которое имеет несколько отличий. В сборнике А.М. Астаховой Илья встает после уговоров странников. Упоминается в былине «Исцеление Ильи» то, что герой «шевелить как стал ногами». В местных текстах не прослеживаются долгих уговоров, герой встает на ноги после первого приказания и напоил целителей. Вероятно, на отсутствие развернутого диалога между странниками и Ильей повлияла стяженность текстов, о чем будет сказано далее.

Итак, мотив исцеления является общим, распространенным не только в Сибири. Однако в Приенисейской Сибири он претерпевает ряд изменений: включает образ Иисуса как целителя, отсутствует развернутость в речи героев. То есть происходит трансформация текстов уже на мотивном уровне, на которую повлияла культурная традиция и особенности жизни сибирского народа.

После исцеления Ильи странники предлагают герою напиться, то есть сила к богатырю приходит через воду. Стоит сказать, что данный концепт является символом жизни, силы, обновления, движения [12, с. 386-390]. В данном случае вода – это образ силы, которая заключена в ней, а после передается герою.

В местных текстах Илья Муромец выпивает несколько раз, что отличает их от общерусского варианта, где герой после первого раза получает нужную силу.

Так, в былине «О старом казаке» предлагается выпить два раза, после каждого герой становится только сильнее:

И потом они попили – много ли, мало ли – и говорят: «На-тко, ты пей-ка сам». Потом он пил эту чашу до дна, а они его спрашивают:

- Ну, как ты теперь о себе чувствуешь?

Он имя сказал:

- Да я чувую, как бы ровню подобрать.

Они упеть говорят ему:

- Зачерпни-ка ешшо одну чашу воды да испей ее сам.

- Он упеть выпил всю воду. Упеть спрашивают:

- А таперь я чувю в себе силы - как бы был столб в землю вкопан да можно было бы

его поворотить, я бы поворотил весь белый свет.

После первого раза герой чувствует силу, с которой можно найти себе равного соперника, во второй же раз силы увеличиваются до того, что Илья ощущает себя всемогущим, способным перевернуть мир.

В другой былине «Об Илье Муромце» нужная сила приходит после трех раз. Примечательно, что используется именно это число, встречающееся часто в фольклоре и в культуре в целом. Так, в нумерологии тройка является абсолютным совершенством (достаточно вспомнить учения Пифагора и его последователей), заключающим в себе три единства – прошлое, настоящее и будущее. Считается также, что число три – это символ удачи, то есть она приходит только после третьего раза [32].

В нашей былине после первых двух раз Илья получает нечеловеческую силу, с помощью которой можно перевернуть мир: «...силы столько, что если бы столб от земли и до неба, то землю бы перевернул вверх ногами» (см. прил Ё). С третьим разом эта сила уменьшается: «Теперь во мне силы убыло» (см. прил Ё).

Стоит отметить, что в это былине сила дается от религиозного персонажа, который дает возможности получить человеку такую мощь, которой может управлять человек.

Примечательно, что в первой былине богатырь получает эту великую силу после второго раза, а о третьем уже не говорится. Но можно предположить, что с течением времени былина несколько изменилась, какие-то части выпали из общего текста.

Так, видим, что исцеление и получение силы соответствуют общерусскому варианту, где через жидкость герой получает здоровье и богатырские умения. Однако в региональном бытовании это раскрывается в тексте в более усеченной форме, то есть диалоги упрощены: Илья не объясняет каликам причину своей немощи, они не уговаривают его вставать несколько раз (см. прил. Ё). Но наряду с этим происходит и развертывание мотива получения силы в тексте «Об Илье Муромце», где богатырь сначала получает силу сверх меры, а потом получает ее в нужной мере.

Далее местные варианты схожи с общерусскими включением мотива помощи родителям. Богатырь приходит к отцу и матери на пашню/ место, где жали хлеб. Однако в сборнике А.М. Астаховой родители не узнают сначала своего сына: «Кто бы нам это сработал работушку?». Это происходит позже, когда они возвращаются домой. В региональном же бытовании все детали опускаются, то есть сказитель только указывает о том, что Илья пошел к родителям, а как они это приняли, не раскрывается.

Следующим сюжетным элементом в местных и в общерусских вариантах является мотив приобретения коня. В сборнике Астаховой Илья покупает жеребенка у старика и выкармливает его до доброго коня. В тексте «О старом казаке...» герою нужно найти кобылу с жеребенком, о которой ему сказали «перехожие каляки» (см. прил. Г). Об этом только упомянуто «ушел за город, нашел ету кобыленку и купил етого жеребеночка». О том, как это происходило, выкармливал ли богатырь коня, не сообщается.

Во втором тексте «Об Илье Муромце» богатырь получает указание о коне во сне, то есть возникает мотив вещего сна, который не встречается ни в одном варианте. Илье Муромцу нужно, «чтобы он купил себе паршивого жеребенка и растил его дол тех пор, пока паршивый жеребенок не стал бы его дюжить». Примечательно, что образ паршивого жеребенка напоминает сказку, где герой (Иван) должен выкрасть/ получить в благодарность за работу такого коня. Далее этот конь будет спотыкаться перед встречей с противником, что тоже часто встречается в сказках. То есть можно говорить о контаминацию сказочного и былинного элементов.

Следующим сюжетным поворотом становится мотив встречи с Соловьем-разбойником. Встреча со злодеем происходит на дороге:

«И поехал он мимо Соловья-разбойника, который посвистом убивал за двенадцать верст» (см. прил. Г)

В этом варианте охраняется мотив осознанной встречи с Соловьем, то есть Илья поехал в Киев специально по дороге, где обитал Соловей: «Поехал он мимо Соловья-разбойника».

Во втором местном варианте возникает мотив случайной встречи, который можно рассматривать как местную особенность: «Едет Илья, вдруг слышит свист Соловья-разбойника» (см. прил. Ё). В общерусской традиции встреча этих героев была преднамеренна.

В тексте «О старом казаке...» Илья Муромец «снимает» Соловья стрелой, что схоже с общерусской версией. Далее появляется мотив выкупа дочерьми разбойника: «Дочери откупали отца, давали ему несметную казну, а он не отдал» (см. прил. Г). То же наблюдается и в общеизвестной былине «Первая поездка Ильи Муромца в Киев»: «Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно. Опустит Соловья-разбойника». В местном варианте откуп дают дочери, тогда как в сборнике присутствует разные версии: дочери, сыновья, жена, чего не наблюдается в нашем случае.

Далее Илья везет Соловья на пир, где богатыри не верят, что он смог проехать мимо злодея и остаться живым. Чтобы доказать свои слова, Илья показывает Соловья, который своим свистом сбивает весь народ с ног, только Илья Муромец остается стоять. Здесь, как и в былине «Про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного», остается открытым вопрос о дальнейшей судьбе Соловья, финал данного эпизода остается открытым.

Во втором же тексте «Об Илье Муромце» «Илюша поймал Соловья-разбойника, кладет его в карман» (см. прил. Ё). Возникает мотив великана. Мы уже отмечали, что эта деталь в общерусском бытовании соотносится с образом Святогора, однако в данном случае происходит подмена, то есть великаном становится Илья Муромец. О том, что этот богатырь был выше обычного человеческого роста, нигде не отмечается. Далее сюжет очень стяжен: сообщается о том, что «Соловей-разбойник свистнул во весь свист и удушил весь народ. За это его Илюша казнил». Вы видим, что в этом варианте впервые возникает мотив казни Соловья, то есть общерусский сюжет хоть и в стяженной форме, но реализуется полностью.

Далее региональные тексты в сюжетном отношении весьма различаются. Также не схожи они и в сопоставлении с общерусскими вариантами.

Так, в тексте «О старом казаке...» Илье Муромцу не верят богатыри, когда он привозит Соловья ко двору: «Тридцать лет уже запала дорога туда и никто туда не ездил». Сохранение мотива неверия соответствует общерусскому варианту, как и мотив доказывания «Ежели не веришь, пойдем-ка покажу». Илья показывает Соловья-разбойника, который свистом сбивает всех с ног, кроме Ильи Муромца. Данный фрагмент и порождает мотив недостойного поведения богатырей к силе Илье, из-за чего на пиру возникает конфликт, где «они бросали шубу (Ильи) на пол». Это послужило появлению спора между «царем» и Ильей, которого посадили в темницу. Так, наблюдается сохранения общерусских мотивов, где Илья ссорится с князем и богатырями.

Далее мы видим специфический для этого сюжета эпизод, где Илью сажают в темницу: «у царя с Илюшей вышел спор и посадил он его в темную темницу». Возникновение мотива узника уникально, в сборнике А.М. Астаховой мы не обнаружили подобного.

В этом же фрагменте возникает еще одна местная особенность – мотив осознания своей неправоты. Князь, когда государству грозила опасность, освободил Илью Муромца, «поклонился ему и повинулся» (см. прил. Г). В общерусских вариантах князь не просит прощения лично, он отправляет за Ильей других богатырей.

Во втором местном тексте «Об Илье Муромце» после убийства Соловья Илья Муромец встречается с отцом Егора Святогора, который хочет убить Илью Муромца за то, что, как считает отец, Илья убил Святогора: «Слепой старик побежал за Ильей Муромцем, но упал и умер, а если бы не упал, то он убил бы Илюшу» (см. прил. Ё). По мнению Н.А. Новоселовой, такой сюжетный элемент можно рассматривать как результат индивидуального творчества исполнительницы, так как мотив встречи отца Святогора и Ильи Муромца не был зафиксирован русскими собирателями.

Далее в этом варианте Илья возникает мотив двенадцати девиц-красавиц, в тереме которых герой живет долгое время (см. прил. Ё). Предположим, что эту особенность можно объяснить влиянием на текст поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», где Ратмир попадает к 12 девицам, у которых остается жить. То есть в данном случае мы можем наблюдать контаминацию уже с произведением литературного, а не собственно фольклорного жанра. Это дает нам возможность предполагать о знакомстве исполнителей с литературными произведениями, мотивы которых включаются в фольклорные произведения.

Последними эпизодами местных вариантов становится возвращение Ильи Муромца домой, которое сопряжено с мотивом смерти, отраженным в обоих текстах.

В тексте «О старом казаке...» эпизод соответствует общерусскому варианту: богатырь окаменеет на дороге около собора (снова религиозные мотивы). Окаменение Ильи Муромца – распространенный мотив в русской традиции, поэтому более интересно обратиться ко второму тексту «Об Илье Муромце», где смерть приходит через младенца.

В данном случае Илья Муромец возвращается из дома снова к девицам на крылатом коне (см. прил. Ё). Тут мы снова видим сказочный или мифический элемент в виде крылатого коня. Далее Илья, зная по наказу девиц, что ему нельзя останавливаться, делает это, чтобы забрать младенца. Последний «был его смертью» (см. прил. Ё). Отметим, что в общерусских вариантах богатырь умирает в старости посредством окаменения в старости, других вариантов не обнаружено.

Таким образом, получается, что вторая часть текста «Об Илье Муромце» - это контаминация разных жанров, из которых исполнитель создает уникальный текст с абсолютно новым сюжетом.

В заключение обратим внимание на уникальный текст Приенисейской Сибири «Илья Муромец» (см. прил. В). Текст, по Ю.И. Смирнову, можно назвать эндемиком [40]. В тексте рассказывается о противостоянии Ильи

Муромца природной стихии, а именно р. Иртыш, которую богатырь поворачивает в другую сторону, то есть мотив борьбы трансформируется. Герой борется не с врагами, а с природными силами, которые не несут угрозы государству. Такой коллизии мы не встречали в сборнике А.М. Астаховой, так как традиционно Илья Муромец – богатырь, борющийся с иноземными врагами, защищающий землю и князя.

Такой сюжет также не позволяет нам отнести его к былине, потому что по своему сложению похож на предание. Эта гипотеза подтверждается финалом: «Так, говорят, теперь Иртыш не в ту сторону идет против других рек». Мы видим как бы вывод о том, к чему привели действия богатыря, что уже само по себе не соотносится с былинным жанром.

Итак, особенностями бытования прозаических текстов с былинным сюжетом можно обозначить следующие: отсутствие мотива боев с татарами или другими иноземными врагами, то есть тексты как и былины можно назвать социально-бытовыми; влияние других жанров: преданий, легенд, сказок; включение религиозных элементов; синкретичный характер текстов на сюжетном уровне; полная трансформация мотива ссоры Ильи Муромца и князя.

Из сказанного выше видно, что прозаические тексты нельзя относить к былинам не только на уровне формы, но и на уровне жанра и сюжетных составляющих, так как кроме жанровых контаминаций отмечаются фрагменты, которые можно объяснить только индивидуальным вымыслом исполнителя. Это создает новые тексты, а не сохраняет первоисточник былины в чистом виде.

Выводы по главе 2

В Приенисейской Сибири былинные сюжеты представлены тремя группами: собственно былины, виноградья и прозаические тексты. Собственно былина практически утрачивает свое бытование. В регионе собирателями обнаружено три формы таких произведений. Основная же масса произведений с былинным сюжетом представляет собой синкретичные формы. Также в этих формах наблюдается большая доля влияния других жанров. Чаще всего влияли предания, откуда в былинный сюжет стали включаться религиозные мотивы. Также популярно влияние сказок: появляются сказочные элементы на сюжетном уровне и в системе персонажей. Влияние других жанров приводит в трансформации традиционного образа Ильи Муромца и самому сюжету об этом богатыре.

На изменение образа Ильи Муромца оказало большое влияние и внутрижанровое смешение. В ряде текстов Илья получает характеристики, присущие Алеше Поповичу, Добрыне Никитичу и Святогору.

Все произведения, кроме виноградий, исключают наличие воинского сюжета. Выпадение позволяет говорить о социально-бытовом характере текстов об Илье Муромце, бытующих в начале XX в. на территории Приенисейской Сибири.

Еще одним важным аспектом является поэтический вымысел, представленный не только смешением разных жанров, но и созданием новых персонажей и новых сюжетных эпизодов, которые не встречаются в общерусском бытовании былин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория Приенисейской Сибири – одна из немногих, где бытование былин сохранялось вплоть до XX века. Одной из причин сохранения являлась территориальная удаленность от центральных районов, а также преимущественно сельский образ жизни, которая давала возможность для сохранения связей с прошлым. Все это позволяло бытовать в местной традиции древним жанрам фольклора дольше, чем в других районах России.

На территории Приенисейской Сибири в начале XX века бытовал былинный сюжет об Илье Муромце. В ходе исследования нам удалось выявить ряд особенностей, характерных для регионального бытования данного сюжета:

1. Тексты об Илье Муромце представлены тремя группами: собственно былины, отвечающие всем жанровым признакам. Виноградья. «Виноградьями» называли святочные закликательно-поздравительные песни, исполняемые колядовщиками во время обрядовых обходов дворов. И прозаические тексты, где сохранен былинный сюжет, но разрушена песенная форма.

2. Анализ сюжетного состава позволяет говорить об усеченности корпуса былинных сюжетов в местной традиции. Бытовали следующие сюжеты: «об исцелении и получении силы» (три прозаических текста), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (одна былина и два прозаических текста), «Илья Муромец на пиру у князя» (одна былина и один прозаический текст). Все сюжеты, кроме «Илья Муромец и Разбойники», «бой Ильи Муромца с сыном», бытовали как в прозаических текстах, так и в былинах. Последний сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» представлен исключительно в виде виноградий.

3. Особенностью бытовавших сюжетов является их стяженность по отношению к традиционным сюжетам. В региональных вариантах

наблюдается сокращение диалогов или их отсутствие, выпадение зачина/концовки описываемой в произведении сюжетной линии.

4. Кроме того, спецификой региональных текстов является контаминация сюжетов. Так, в большинстве случаев два и более общерусских сюжета соединены в один текст. Из собственно былин только два текста представлены той же структурной схемой, что и в былинах сборника А.М. Астаховой.

5. Традиционно былины об Илье Муромце представлены как воинскими, так и бытовыми сюжетами. В региональной традиции воинский сюжет прослеживается исключительно в ряде виноградий, где Илья Муромец защищает корабль от нападения турецкого хана. В собственно былинах и прозаических текстах закрепляются только сюжеты социально-бытового характера. В связи с этим наблюдается выпадение в последних текстах одного из главных мотивов, представленных в традиционных текстах об Илье – мотив боев с татарами.

6. Кроме того, на региональные тексты оказывали влияние другие произведения и жанры. В одной собственно былине наблюдается внутрижанровое влияние. Илья Муромец разговаривает словами Алеши Поповича, убивает гостя на пиру шляпой, как Добрыня убивает шляпой Тугарина. И отмечается внежанровое влияние казачьей песни о выборе атамана на зачин былины. Также в одном прозаическом тексте Илья Муромец приобретает черты великана в сравнении с Соловьем-разбойником. Эта портретная характеристика в общерусском бытовании характерна для Святогора.

7. Кроме того, прозаические тексты испытывают влияние других жанров: притчи (мужичок-старичок наказывает Святогора за хвостовство), предания (Так появляется текст-эндемик, в котором Илья поворачивает течение Иртыша), сказки (появление летающего коня), поэмы А.С. Пушкина (богатырь живет у 12 дев).

8. В двух виноградьях также прослеживается влияние других жанров. В одной былине наблюдается связь со сказкой (Илья Муромец пускает стрелы на двор красной девицы), в другом тексте отмечено влияние скоморошины (из Москвы привозят сапоги).

5. На мотивном уровне утрачивается социально-политическая напряженность. Князь не оскорбляет Илью Муромца, не указывает на его социальную принадлежность, в отличие от западных вариантов былин.

7. Творческая работа появляется во включении новых персонажей: на пиру князя – обжора хлебоядный и отец Святогора, который пытается убить Илью.

8. В прозаических текстах замечено религиозное влияние на тексты (вместо калик богатыря исцеляет Иисус и три святителя; Илья и Святогор встречаются в дороге Бога; процесс передачи силы от Святогора к Илье). В традиционном бытовании мотив встречи на дороге не представлен.

9. Появляется новый путь умирания героя. Традиционно Илья окаменеет. В местной традиции Илья находит младенца, подбирает и сразу умирает.

Таким образом, анализ сюжетного фонда об Илье Муромце позволяет заключить следующее: с одной стороны, наблюдается попытка сохранить основные сюжеты и мотивы, характерные для общерусской традиции. С другой стороны, тексты Приенисейской Сибири претерпевают трансформацию на структурном и сюжетном уровнях. Последнее позволяет говорить об уникальности бытования сюжетов об Илье Муромце в региональной традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 328 с.
2. Аникин В.П. Об историческом изучении былин // Русская литература, 1984, № 1.
3. Аникин В.П. Русский богатырский эпос. М., 1964.
4. Аникин В.П. Русский фольклор. М., 1987. 190 с.
5. Астахова. А. М. Былины: итоги и проблемы изучения. М., 1966. 290 с.
6. Астахова А. М. Илья Муромец в русском эпосе // вступ. ст. Илья Муромец / Под ред. А.М. Астаховой. М., 1958. 562 с.
7. Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М., 1962. 119 с.
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. 505 с.
9. Богатыри // Большая российская энциклопедия. В 35 т. Т. 3 / Под ред. Ю. С. Осипова, М., 2005. 776 с.
10. Богатырь // Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / Под ред. М. Фасмера. М., 1986. URL: <http://endic.ru/fasmer/Bogatr-1795.html> (дата обращения 15.05.2021).
11. Былина // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. 376 с.
12. Вода // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т 1 / Под ред. Н.И Толстого. М., 1995. С. 386-390.
13. Гуляев С. И. Былины и исторические песни из Южной Сибири / Сост. С.И. Гуляев. Новосибирск, 1939. 208 с.
14. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975. 114 с.
15. Захарова О.В. Былина как литературный жанр // Журнальный клуб Интелрос «Проблемы исторической поэтики», 2015. № 13. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/problemy-istoricheskoy-poetiki/pp13->

[2015/29541-bylina-kak-literaturnyy-zhanr.html](http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/29541-bylina-kak-literaturnyy-zhanr.html) (дата обращения: 19.12.2020).

16. Захарова О. В. Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // Знание. Понимание. Умение, 2014. № 4. С. 268–275. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/4/Zakharova_The-Bylina/ (дата обращения: 15.01.2021).
17. Захарова О.В. Жанровые трансформации былины в русской литературе XVIII века (сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник») // Проблемы исторической поэтики. 2015. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-transformatsii-byliny-v-russkoy-literature-xviii-veka-syuzhet-ilya-muromets-i-solovey-razboynik> (дата обращения: 15.01.2021).
18. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. 344 с.
19. Матвеева Р.П. «Русские народные сказки Сибири о богатырях». Новосибирск, 1979. 303 с.
20. Миллер Вс. Наблюдения над географическим распространением былин // Очерки русской народной словесности. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 345 с.
21. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб, 1869. 443 с.
22. Новиков Ю. А. Диалектика бытования и исторического развития былин // Сказитель и былинная традиция / Ю. А. Новиков. СПб., 2000. С. 15-108.
23. Новикова Н.Л., Зиновьева Г.Н. // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 62-76.
24. Новоселова Н.А. Географический генезис и сюжетный состав былин города Енисейска // Национальный язык и культура этноса. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2014. Красноярск, 2015. С. 198-207.

25. Петров Н.В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: пролегомены к указателю.// Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2009. №9.
26. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998. 350 с.
27. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – 2-е изд., испр. М., 1999. 603 с.
28. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. 348 с.
29. Путилов Б.Н. Былины — русский классический эпос // Былины: Сборник / Сост. Б.Н. Путилов. Л., 1986. 464 с.
30. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. 223 с.
31. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003.
32. Пушкин А.С. «Руслан и Людмила». М., 1989. 136 с.
33. Пятирикова Ж. Символика числа три: занимательная нумерология. URL: <http://sekretwomen.mirtesen.ru/blog/43820423277/Simvolika-chisla-tri:-zanimatelnaya-numerologiya> (дата обращения: 3.01.2021).
34. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока // Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991. 505 с.
35. Русский фольклор. Былинный эпос. URL: <http://rusfolklor.ru/bylinnyj-epos> (дата обращения: 21. 12. 2020).
36. Селиванов Ф.М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка / Под ред. А.В. Кулагина. М., 2009. 312 с.
37. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М, 2009. 280 с.
38. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин // Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 3-76.
39. Смирнов Ю.И. Комментарий к былине «Илья Муромец на Соколкорабле и турецкий хан» // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего востока. Новосибирск, 1994. С. 383-386.
40. Смирнов. Ю.И. Местные традиции. Уровни опознания местного // Локальные традиции и жанровые формы фольклора./ Под ред. Араевой

А.А., Волчека В.А. Лутовиновой Е.И., Ходанен Л.А. Кемерово, 1992. С. 3-8.

41. Смирнов Ю.И. Русские эпические сюжеты в Сибири и на Дальнем Востоке // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 244-299.
42. Устное народное творчество: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования // Аникин В.П. – 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 726 с.
43. Чичеров В.И. «Русское народное творчество» // Курс лекций. М., 1959. 519 с.
44. Этнография русского севера и фольклор. URL: <https://www.booksite.ru/folk/4-2-2.html> (дата обращения: 15.05.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Былина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного

Еще я ли вам, ребята, старину скажу,
Старину скажу, стару прежнюю,
Стару прежнюю, невидимую.
Как у нас былО во честнОм пиру,
Во честном пиру, во беседушке.
Во единый круг собиралися,
Собиралися – соезжалися,
Соезжалися все богАтыри.
Они думали думу крепкую,
Думу крепкую – заединую.
Что кому из нас, ребята, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом быть, знать, Илюшеньке,
Илюшеньке, знать, Муромцу,
Есаулом слыть, знать, Алешеньке,
Алешеньке, знать, Поповичу.
Как возгОворит, ребята, дружинушке,
Дружинушке Илья Муромец:
- Ой же гой еси, ты дружинушка,
Ты дружинушка моя хорОбрая!
Уж пойдем-ка мы, поедем во великой град,
Во великой град ко великому,
Ко великому князю Владимиру,
Ко Владимиру Красну солнышку.
Мы увидим и, ребята, диво дивное,
Диво дивное – чудо страшное!
Как по этой-сей дороге там и зверь сидит,
Там и зверь сидит, ребята, худой бОгатЫрь,
Не пропустит он дорОгой ни проезжего,
Ни проезжего, разбойник, ни прохожего.

Ай, и вы же, ребята, не убойтесь:
Это есть не диво, и не дивное,
Это есть и не чудо и не страшное.
Как подъехали ребята к дубу дереву –
Засвистел злодей-разбойник во всю голову.
Вынимает брат Илюша калену стрелу
И сымает Илюшенько тушу страшенную,
Тушу страшЕнную – богатырскую,
Богатырскую со сырых дубов.
А и тацит же он тушу богатырскую,
Тушу богатырскую Соловейкину.
Привязал ведь тушу на добра коня.
Как приехал наш Илюшенько,
Илюшенько со дружинушкой,
Со дружинушкой в дворец к князю,
Во дворец к князю ко Владимиру,
Ко Владимиру Красну Солнышку.
И челом он бьет князю Владимиру:
- Уж ты гой еси, Владимир-князь,
Владимир-князь, наш батюшко,
Принимай-ко, князь, дороги дары,
Дороги дары - Соловья-разбойника!
Собирает тут Владимир-князь,
Владимир-князь он великий пир,
Созывает князь всех князей, бояр,
Всех князей, бояр всех богАтырей,
Всех богатырей на великой пир,
На великой пир всех гостей гостить,
Всех гостей гостить, ребята, подчивать*.
На пиру была обжора, обжорища хлебоядная.
И почАла же обжора та ломатися,
Ломатися, похвалятися,
Да пред тем же Ильей Муромцем.
Как Илюша тут слово вымолвил,
Слово вымолвил, речь возгОворил:

- Да и что же ты, обжора, ломаешься,
Ломаешься, похваляешься?
У попа у нас была корова волочажная**,
По поварням та корова волочилась,
Оттого этой-сей корове смерть случилась!
Как прогневалась тут обжора
На Илюшеньку,
Начала Илюше петь*** – худо делати.
Не стерпемши брат Илюша, Илья Муромец,
Сымает брат Илюша шляпу черную,
Шляпу черную со головушки.
Он и бьет ей обжору во всю голову,
Прошибает та обжора стену каменну.
Уж как все гости тогда испужались:
– Это что ж такое случилось,
Солучилося – приключилося?
Что ж за диво, братцы, дивное,
Что ж за чудо, други, чудное?
Тут великий князь Красно Солнышко
Поклон до земли дал Илюшиньке,
И тому же ли Илюше – Илье Муромцу:
- И спасибо же тебе, Илюша,
Илюша, Илья Муромец,
Что избавил меня от обжорища,
От обжорища, обжоры хлебоядного.

*подчивать = потчевать, т.е. угощать

** волочажная — в данном контексте бродячая, шатающаяся

*** петь = опять

Записано А. Александровым в 1893 году 15 сентября
со слов старика с. Рыбного на Ангаре
Енисейского округа Пинчугской волости
крестьянина Дмитрия Алексеевича Козырева.
По словам его отца, былина была в большом ходу

в его молодые годы между рыббинскими крестьянами.

Александров А. Песни, записанные в Енисейском округе// Живая Старина, 1897, вып.1,
с.101-102, №1
(Кн. «РЭПСидВ», с.104-106, №30)

Приложение Б

Илья Муромец и разбойники

Что не белые снежочки в поле забелелись.
Уж он ездил, стар странничек,
На добром своем коне.
Как у нашего странничка
Были седы борода, седы волосы.
Уж он ездил во чистом поле,
Он встречал двух разбойничков.
- Уж как вы же, ребяташки,
Куды пути дёржити?
-Уж мы дёржим -бить тебя, грабити.
- Меня бить-грабить не за что,
За мной казны денег нету-ка.
Есть на мне шубёнушка
Коротёшенька и худёшенька,
Права то пола – во сто рублей,
Лева-то – во пятьсот рублей,
Спина с рукавами – во всю тысячу,
Конь – во весь миллион,
Самому-то мне сметы нету-ка.
Эти разбойнички испужалися и разбежалися.

Записал Савельев в феврале 1911 г.
в д. Яркино Пинчугской волости
Енисейской губернии
от Рукосуева Николая Семеновича
(Акешин), 30 лет, на нижней Ангаре,
ККМ, о.ф. 7886/ 165 -1. с.2.

Илья Муромец

Илья Муромец когда пришел к родителям, они сели обедать, а он пошел стал дубы рвать совсем с корнями и бросать в Иртыш. И этим искоренком взял и запрудил Иртыш, что Иртыш бежал в другую сторону. Раньше-то вот говорили «Илья Муромец запрудил Иртыш, и он в другую сторону пошел». Так, говорят, теперь Иртыш не в ту сторону идет против других рек.

Записал Гуревич А.В. от Е.И. Чичаевой, 60 л.,
колхозницы с. Заледеева Емельяновского района Красноярского края.
Опубликовано в сборнике А.В. Гуревич. Русские сказки Восточной Сибири.
Иркутск, 1939, стр.311.
Печатается по книге В. Сидельников Былины Сибири.
Томск, ТГУ, 1968, стр.287

О старом казаке Илле Муравце

Да ты, поди слышал, как старей казак Илля Муравец собирался в стольной Киев-град ехать ко службе. Он ведь пошибал – бивал людей. Ну и конь у его был вовсе «собачье объедало»... И царь-то известен, да я позабыла звание его. Илля дома жил. Сама князья-госпожа у него свахой была.

Слыхала, что он тридцать три годы сидел на... И приходили к нему **перехожие каляки** под окошечко и говорили:

- Илюша, вставай-ко съ, дай-ко нам воды напиться.

Он им отвечает:

- Я не могу идти.

- А они ему упеть говорят:

- Вставай-ко, вставай, Илюша, не оманывай нас.

Ну, стал он (в)ставать и (в)стал, да и зачерпнул он в чашу воды и подносит имя пить. И потом они попили – много ли, мало ли – и говорят: «На-тко, ты пей-ка сам». Потом он пил эту чашу до дна, а они его спрашивают:

- Ну, как ты теперь о себе чуешь?

Он имя сказал:

- Да я чую, как бы ровню подобрать.

Они упеть говорят ему:

- Зачерпни-ка ешшо одну чашу воды да испей ее сам.

- Он упеть выпил всю воду. Упеть спрашивают:

- А таперь я чую в себе силы - как бы был столб в землю вкопан да можно было бы его поворотить, я бы поворотил весь белый свет.

Потом они распростилися, каляки-то. И они в том числе ему говорили:

- Иди ты куды хошь, и сходи за город, и там ходит кобыленка с жеребеночком. И надознайся хозяина, и купи этого жеребеночка.

Потом он, Илюша, пошел к отцу на пашню, где отец с матерью чистили залог. Он пришел и сказал своим родителям про все, и говорит:

- Бог на помощь!

Они здрадовались, что их Илюшенька пришел и стал им помогать, и дубья или сосны там стал из корня рвать. Потом ушел от их за город, нашел ету кобыленку и купил етого жеребеночка.

Потом много ли, мало ли с отцом побыл и стал у отца блаословенья просить. Блаословить, что ехать ему по святой Русе. И потом стал он блаославляться. И сосна, и дубья, и листвень в землю приклонялися, ковды* Илюшенька блаославлялся. Блаославляла его родна мать и говорила ему:

- Не обидь ты хрессьян и не лей ты крови хрессьянской занапрасно.

Потом Илюшенька собрался прямым путем-дорожкой. Поехал Илюша в стольный Киевград (какой он там был) И поехал он мимо Соловья-разбойника, который посвистом убивал за двенадцать верст. Доехал до Соловья-разбойника. И потом его конь - **накорочь** от свисту, от Соловьиного. Он и говорит:

- Ах, ты, собачье объедало, что ты боишься Соловья-разбойника! А конь у него был - чистая белка: озера и речки меж ногами и быстрые реки перескакивал (*это у них ишишо была споня, у богатырей: вот у Илли Муравца перескочил, а другого - не мог перескочить*), - только собакам годишься! Он рванул его да и стегнул. Пошел конь. Не доехавши до Соловья-разбойника, стрелил его из своего туга лука каленой стрелой. Попал ему во правой глаз. И Соловей-разбойник упал с двенадцати дубов. Он слез с коня и взял его, привязал в **торка** за правое крыло и повез его в город. А в городе у Соловья-разбойника было три дочери. Они глядят в окошечко, и старшая говорит: «Тятенька везет в торках кого-то». А середняя не могла признать, а меньшая-то говорит: - «Не тятенька везет, тятеньку везут за правое крыло».

Дочери откупали отца, давали ему несметную казну, а он не отдал. Хотелось ему повести его на смотр царю. У царя была служба в тот день (*Илля торопился ко службе, прямым-то путем ему поспеть, а кривым-то не успеть*). Он приехал, успел ко службе. Царь его спрашивает: «Каким ты путем ехал?». - «А вот я ехал мимо Соловья-разбойника». Богатыри ему не верили: «Тридцать лет уже запала дорога туда и никто туда не ездил». Он ему сказал: «Ежли не веришь, то пойдём-ка: он ведь у ты во дворце».

Снял он Соловья-разбойника, показал именам. А он живой, только глазу нет. Вышли они, все богатыри и царь с царицею, и говорят ему: «Вели-ка ему свис(т)нуть» (*царь-ат слышал что он посвистом убивал*). Илля Муровец сказал ему: «Убери ты свою восударыню под праву руку». Сказал: «Ну, свисни, только (с)мотри не на весь свист, а потише». Тот свис(т)нул в полсвиста, и они, как стояли - все упали, остался один сам старой казак Илля Муровец на ногах. Богатыри осердились на него, и восударь осердился тоже.

И был у царя упеть пир. А у Иллюши была шуба, и они бросали шубу на пол. И из-за того у царя с Илюшей вышел спор, и посадил он его в темную темницу. Он сидел много годов. Была у его о(д)на книга. И стали на царя напирать протчие богатыри. А Илюша все в темнице. У его был ход в земле, и ему стряпки носили тунно исть. Царь в ту пору вспомнил: «Ежли бы да у меня был бы Илюша, я бы не боялся их». Пошли они в темницу, а он живой (*не складно как-то рожатца, забыла уж почитай все, забыла и ес(т)ь*). Ковды они вывели его и восударь поклонился ему и повинился, Илюша попросил отдохнуть маненькё. Потом он садился на своего коня и брал свою палицу. И он ехал и махал своей палицей в войско и давил переулочки, а заворотится - дак давил улицы. Всеё силу он побил палицей. Ковды старой стал и поехал он в свой город, где он хотел помереть, и только въехал - и не доехал, куда ему было желательно. И только доехал до собора, что ли, и тут с конем окаменел. Тут уж ему и конец был.

* ковды - когда

Записал А.А.Савельев в августе 1912 г.
от А.Т. Безруких в д. Ярки на нижней Ангаре.
А. А. Савельев, «Былинный эпос в Приангарском крае»//
Изв. Сред.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. - 1928. -
Т. 3, Вып. 3. - с.79-81

Про Илью про Муровца

А вот еще есть песня-старинка, как воёвал Илья Муровец с Удачей-богатырем. И Микандра Михалыч снова запел так же протяжно, так же медленно-медленно:

В чистом поле
Богатыри съезжались;
И родами богатыри
Не шшитались*;
Промежду собой
Да они воёвались.
Приломали они
Все сабли вострыя.
Они сами себя
Да все не ранили,
Подхватил его Удача
На косо́й носок.
У Ильи Муровца ретиво сердце
Раскипелось,
Могучи плечи
Расходились.
Осердился и махнул его
Тяжкой палицей.
Пал Удача - добрый молодец -
На сору** землю.
Стал его выпрашивать
Илья Муровец:
- Ты из которого села,
Которого городу?
А и кто у тебя батюшка,
Кто матушка?
- Мой-то батюшка –
Старый Илья Муровец,
- Моя матушка –
Красна девица! -

Тут возговорил
Сам Илья Муровец:
- Ой ли ты, чадо моё,
Чадо милоё,
Не велел Восподь***
Видаться нам,
Ой, видаться нам
За хлебом, за солью,
А видаться велел
За вострой саблею!

« А Удача-то был прижит Ой сын у Ильи Муровца с девицей. Наперёд никто из них не узналися. Да ладно спросилися, а то бы Илья Муровец убил Удачу!» - Примечания исполнителя.

* шшиталися = считалися

** сору = сыру

*** Восподь = Господь

Источник и переиздание:

Записал И.А.Чеканинский в 1913 г.

от Никандра Михайловича Смолина, 65 лет,

в д. Выдрино на среднем течении р. Чуны, левого притока Ангары

(ныне Чунский р-н Иркутской обл.)

Чеканинский И.А. Енисейские старины и исторические песни//ЭТО, 1915, №1-2, с. 102-103

Приложение Е

«Илья Муранец и Игор Свитагор»

От ехали вместе Илья Муромец и Игор Свитагор и молвят про себя. Илья Муромец говорит: «Какая у тебя, Игор Свитагор, сила?»

Игор Свитагор говорит: «От, говорит, стоял бы здесь столб и в небо впёртый, и было бы в нём кольцо - я бы, говорит, взял одной рукой и повернул весь свет». А теперь

Игор Свитагор Илье говорит, какая у Ильи сила? Илья говорит: «Вот бы стоял тут куст, я бы его взял в охапку и выдернул со всем корнем».

(В)друг* идёт мужичок-старичок, несёт на плече маленький узелок с чем-то. (А это был сам Бог).

От он и говорит: «Какая у тебя, Игор Свитагор, сила?»

«У меня сила,- говорит ему Игор Свитагор,- стоял бы тут столб и в небо впёртый и в землю, и было бы в нём кольцо. Я бы,- говорит,- взял за кольцо и повернул весь свет».

-А у тебя, Илья Муромец, какая сила?

Илья Муромец говорит: «Стоял бы тут куст, я бы,- говорит,- взял в охапку и выдернул со всем корнем.

От теперь старичок этот и говорит: «Вот, Игор Свитагор, вот на, подыми этот мешочек».

Игор Свитагор сказал: «Что мне этот мешочек? Одним перстом подыму». А взял обеими руками и от земли не мог отодрать. Ну этот старичок и говорит: «Ну ты, Игор Свитагор, и врешь, что у тебя сила есть. Пять фунтов с земли не мог поднять.

У тебя,- говорит,- Илья Муромец, какая сила?» Илья Муромец взял одной рукой и поднял. Старик пошёл своей дорогой, а они поехали своей дорогой. А имЯ нельзя было ехать по низким местам, а то они могли провалиться. Уж сумрак начал. От они видят: д-то** далеко огонёк коптит. И от поехали они туда. Подъезжают и видят: там стоит гроб, и над гробом висит лампадка.

Вот Илья Муромец говорит: «Ну-ка, Игор Свитагор, я лягу померяю, это не для меня ли гроб сделан?» Илья Муромец лёг, а ему только по колена. Говорит: «Ну-ка, ты, Игор Свитагор, ложись».

Игор Свитагор лёг. Ему как раз. «Ну-ка,- говорит,- закрывай, Илья Муромец, крышку».

Илья Муромец закрыл крышку, а она как раз.

Ну и вот. А это Бог был тот старичок и он наладил гроб Егору Свитагору за враньё.

Игор Свитагор и говорит: «Ну-ка, открывай, Илья Муромец, крышку». Илья Муромец начал открывать и не мог открыть.

Игор Свитагор и говорит: «Ну-ка, бей своей шпагой поперёк». Илья Муромец ударил поперёк, и вдруг наскочил железный обруч поперёк.

Игор Свитагор говорит: «Бей вдоль». Он ударил, и вдруг наскочил вдоль обруч железный.

Игор Свитагор говорит: «Ну теперь, Илья Муранец, ты меня заковал. Я теперь остался в гробу. «Вот,- говорит,- как первая пена пойдёт из гроба, ты её не лижи. Как

второй пойдёт- лижи». Друг первая пена пошла. Илья Муромец всё время глядел на неё. А вторая пошла – Илья Муромец раз лизнул.

И Игора Свитагора сила пошла к Илье Муромцу.

Илья Муромец сел на коня и поскакал.

* друг — вдруг.

** де-то - где-то

Записал Бончковский Р. Н.

в д. Еловая, Красноярского района, 1925 г.

Былина рассказана Колей Лещипским,
крестьянским мальчиком, 14 лет.

Название «былина» ему неизвестно.

ККМ о/ф 7886/163

Приложение Ё

Об Илье Муромце

Сидел Илья Муромец тридцать лет без рук без ног. Вдруг приходит к нему Иисус Христос и три святителя: Миколай угодник, Егорий Храбрый и Илья пророк. Говорят они ему:

- Встань и дай нам напиток!

Илья говорит, что он не может ходить уже тридцать лет, но встал и принес им ковш воды.

Они велели ему пить. Он выпил. Так он пил два раза. Тогда господь Иисус Христос спросил его:

- Много ли ты, Ильшенька, чувствуешь в себе силушки?

- У меня, - говорит Илья, - силы столько, что если бы столб от земли и до неба, то землю бы перевернул вверх ногами.

Тогда господь велел ему принести третий ковш, и когда Илья Муромец выпил, господь спросил его, сколько в нем силы. Он ответил:

- Теперь во мне силы убыло.

После этого господь и три святителя - Николай угодник, Егорий Храбрый и Илья пророк – ушли, а Илья Муромец взял бочонок с пивом и потащил его на пашню, там родители его жали хлеб.

Братья и невестки удивились, и стали ссориться между собой: одни говорят, что это Илюша, другие – что не он, потому что Илюша сидит тридцать лет без рук.

Когда Илюша пришел, все легли отдыхать, а Илюша стал щетку чистить, коренья и пенья в воду скидывать. Запрудил реку и вода стала подходить под них. Они испугались, вскочили и давай его спрашивать:

- Что ты делаешь, Илюша, зачем это?

Тогда Илюша лег спать, и во сне ему приснился сон. В этом сне ему было сказано, чтобы он купил себе паршивого жеребенка и растил его дол тех пор, пока паршивый жеребенок не стал бы его дюжить*. На другой день отец купил Илюше в соседях паршивого жеребенка. Когда паршивый жеребенок стал дюжить Илью Муромца, то он сел на свою Бурушка-Кавурушка и поехал к Егору Святогору на святые горы. Едет Илья, вдруг слышит свист Соловья-разбойника. Илюшин Бурушка-Кавурушка споткнулся. Он его обругал. Илюша поймал Соловья-разбойника, кладет его в карман и едет к царю и царице. На царском дворе царь захотел, чтобы Соловей-разбойник свистнул. Илья взял царя подмышку, а царицу – под другую подмышку, и приказал Соловью-разбойнику свиснуть только в полсвиста. Соловей-разбойник свистнул во весь свист и удушил весь народ. За это его Илюша казнил, а сам поехал искать Егора Святогора. Сковал Илья Муромец статую железную и едет. Видит, стоит изба, зашел в нее, а там сидит старик слепой – отец Егора Святогора. Илья подает ему статую железную и говорит:

- Вот, мой братец!

А отец Егора Святогора взял железную статую у Илья Муромца, измял ее и говорит:

- У меня есть сын еще сильнее меня, зовут его Егор Святогор.

Илюша вместе с Егором Святогором поехал на святые горы. Едут и видят, стоит гроб.

Илья Муромец лег в него, он ему велик, а когда лег в него Егор Святогор, то гроб пришелся в самый раз. Егор Святогор хотел из него вылезти, но не мог. Попросил Илью Муромца, чтобы он рубил гроб. Илюша ударил, а на том месте железные обручи. Тогда Егор Святогор сказал Илье Муромцу, чтобы он приезжал сюда через год (а этот бы год поездил по святым горам), просверлил бы в гробу дыру, напился бы соку его и поехал к отцу Егора Святогора сказать, что сын его – Егор Святогор – умер.

- Когда скажешь, то беги и не оглядывайся, а то если остановишься, отец догонит тебя и убьет.

Целый год Илья Муромец проездил по святым горам. Приехал ко гробу Илья Муромец, просверлил дыру в его гробу, напился соку и пены от тела Егора Святогора и поехал к слепому его отцу и сказал ему о смерти Егора Святогора.

Слепой старик побежал за Ильей Муромцем, но упал и умер, а если бы не упал, то он убил бы Илюшу.

Долго ли, коротко ли едет Илюша на своем Бурушка-Кавурушка и видит стоит высокий терем, а около него сад. В этом тереме живут двенадцать бессмертных девиц-красавиц. Илья Муромец заехал в сад и спрятался в цветах (а терем стоял высоко над землей). Когда бессмертные девицы-красавицы потащили цветы в терем, то с ними втащили и Илюшу. Илья Муромец жил у них долго, а потом стосковался по родном городе Муроме и спросил позволения у двенадцати девиц-красавиц, чтобы они его отпустили. Девицы-красавицы дали ему своего семиглавого коня, а его Бурушку-кавурушку отпустили в сад погулять. Когда Илюша поехал, они дали ему наказ ехать быстро и не возвращаться назад и не останавливаться, а то ему будет смерть.

Илья Муромец приезжает в Муром и видит, что он весь сгорел, а стоит только одна избушка, а в ней сидит старушка. Он спросил ее, не знает ли она, где родители Ильи Муромца?

Старуха сказала, что они все примерли, а остался один сын Ильи Муромца, да и об нем ничего не слышать. Тогда Илья открылся ей и поехал обратно к двенадцати девицам-красавицам. Только едет он и видит: на дороге младенец лежит. Илюша стал останавливать своего семиглавого коня, а он не останавливается. Тогда Илюша отсек ему крыло, конь остановился. Илья Муромец стал поднимать младенца. И как только дотронулся до него, тут было ему скончание. Младенец был его смертью.

*дюжить = выносить, терпеть

Записал И.А. Чеканинский в с. Вознесенском
Красноярского уезда Енисейской губернии
со слов крестьянки А.Ф. Синяковой, 63 л.
цит. по: В. Сидельников Былины Сибири.
Томск, ТГУ, 1968, стр. 285-287

По свидетельству Сидельникова, текст был опубликован в журнале
«Этнографическое обозрение», 1912, №3-4, стр. 110.

Приложение Ж

Илья Муромец на Соколе-корабле

Как по морю, морю, морю синему,
Виноградья красно зеленая,

Ходил(ы) – гулял Сокол-корабль,
Он немного, немало – двенадцать лет.
Двенадцать лет да с половиною,
С половиною да с четвертиною,
С четвертиною да со полночью.
Ох, что было на Соколе на корабле?
Две мачты дубовыя,
Три базара гостиныя,
Две бани торговыя...
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук да принатягивает,
Принатягивает да приговаривает:
- Ты лети-лети, стрела, к самому хану-царю
К самому хану-царю да во зеленый сад
Во зеленый сад да за дубовый стол,
Обожги ты ему да его белу грудь!...
На этом виноградьа кончается про Илью Муромца, а теперь уж, значит,
«Придут ребята-колядовщики»:
Вот идут-идут ребята-колядовщики,
Виноградьа красна зеленая,
А подходят оне ко богатому двору:
- Прикажи, сударь-хозяин, виноградьа спеть,
Прикажешь – споем, а откажешь – отойдем!
Хозяин выходил – золотым рублем дарил,
Молода жена выходила – алым бархатом дарила,
Малы детки выходили – сладким пряничком дарили.

Записал А. М. Мехнецова в 1977 г.

от Ф. Ф.Портнягиной 1896 г.р.

в г. Енисейске Красноярского края. Цит. по кн. «Русская эпическая поэзия
Сибири и Дальнего Востока» с. 118-119, № 42

По синему морю по Хвалынскому

По синему морю по Хвалынскому
Виноградье красное зеленое.
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного, немало двенадцать лет со полуночью.
Еще то было на Соколе-корабле
Пятьсот гребцов, удалых гребцов, славных песенников.
Вместо ушей были повешены две лисицы чернобурья,
Вместо глаз были врезаны два яхонта самоцветные.
Еще тут были бани торговая,
Еще были три базара гостинные,
Еще были три церкви соборная.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Калену стрелу накладывает,
Сам-ко стрелушке приговаривает:
- Ты лети, моя стрела, во турецкий град,
Самому ко царю да ко султану,
И вонзись ты ему во белу грудь!
- Уж здравствуй, хозяин и хозяйюшка,
Тебе поем, тебе честь воздаем.

Впервые опубликовано А.А. Краевским
в журнале «Русская старина», т. XI, 1874 г.
Текст перепечатал А.А. Макаренко в книге
«Сибирский народный календарь в этнографическом отношении»,
Спб., 1913, с.133

Виноградье

Уж как по морю, морю,
Морю синенькому
Уж как плыл, выплывал

Всё Сокол-корабличек.
Что на этом корабле
Было три богатыря,
Три могучия.
Как Алешенька Попов
По кораблику похаживает,
Свои пуговицы с тросточкой
Поглаживает.
Свой-от лук упругий
Принатягивает,
Калену свою стрелу
Принакладывает:
- Ты лети, моя стрела,
Под поднебесью с белой лебедью.
Упади, моя стрела,
Между двух шатров
Полотняных.
Ты убей, моя стрела,
Еще двух молодцов,
Красноярских купцов,
Славных песельников.

На повети мужик
Окостился лежит,
А свинья-то стоит
Да на его глядит...

.....

(дальше нецензурно, отказался сказать)

Как хозяин во дому -
Светлый месяц во кругу,
А хозяйюшка в дом
Как оладейка в меду,
А малы детушки -
Часты звездочки.

.....

(пропуск - забыл)
Тут сидела девушка,
Вышивала три шириночки.
Уж как первая-то шириночка -
Отцу батюшке.
А другая-то шириночка -
Родимой матушке.
А уж третья-то шириночка -
Моему суженому,
Приснаряженному.

.....
Открывайте коробушки,
Доставайте серебрушки,
Открывайте сундуки,
Доставайте пятаки.
(остальное забыл)

припев
Виноградье красно-зеленое.

Записано Красноженовой М. В. от Ивана Викторовича Сергеева, 67 лет
в с. Есаулово Красноярского округа
Красноженова М.В. Отчет по этнографической поездке летом 1927 г.
ККМ о/ф 7886/125 с.271, №1.
(Этот же текст от этого же исполнителя
см. 7886/107, с.41, №1)

Приложение Л

Сокол-корабль

Как по синему морю Хвалынскому
Ходил, гулял Сокол-корабль
Не много, не мало – двенадцать со полуночью.
Еще то было на Соколе, на корабле,

Пятьсот гребцов, удалых молодцов, славных песенников.

Вместо ушей было навешано

Две лисицы чернобурые,

Вместо глаз было врезано

Два яхонта самоцветные.

Еще три было бани торговые,

Еще три было базара гостиные,

Еще три было церкви соборные.

Илья Муромец по кораблю похаживает,

Он тугой лук принатягивает,

Калену стрелу он накладывает,

Сам ко стрелушке приговаривает:

- Ты лети, моя стрела, во турецкий во град,

Самому к царю да ко султану

И вонзись ты ему во белу грудь.

- Уж здравствуй, хозяин и хозяйюшка!

Тебе поем, тебе честь воздаем.

Записано Веселовым в Енисейске от группы мальчиков

во время исполнения «каляды».

Текст Веселова был опубликован в журнале

«Русская старина», 1874, т. XI, с.185

Цитируется по публикации

В. Сидельников Былины Сибири.

Томск, ТГУ, 1968, с. 259

Приложение М

Виноградье

«Прикажи, сударь-хозяин,

Виноградье спеть.

Виноградье красно-зеленое.

Как прикажешь-так споем,

Не прикажешь-прочь пойдём.

Виноградье красно-зеленое.

Уж как по морю, морю,
Морю синенькому.
Виноградье красно-зеленое.
Уж тут плыли-выплывали
Три корабличка.
Виноградье красно-зеленое.
Что на первом корабле
Да три девушки.
Виноградье красно-зеленое.
А на втором-то корабле-
Илья Муромец.
Виноградье красно-зеленое.
А на третьем корабле
Кленова стрела.
Виноградье красно-зеленое.
Эти девушки
Да плыли к бережку.
Виноградье красно-зеленое.
Они шили-вышивали
Да три шириночки.
Виноградье красно-зеленое.
Уж как первая шириночка-
Доброму молодцу.
Виноградье красно-зеленое.
А вторая-то шириночка-
Старому батюшке.
Виноградье красно-зеленое.
А третья-то шириночка-
Старой матушке».

ККМ, о.ф. 7886/120 л.185.

Записано со слов Д.Е Чанчиковой; М.В. Красноженовой в с.Батой в 1928 г.

Виноградье

Как по морю, морю синему
Ходил — гулял СокОл-корАбль
Немного немало — двенадцать лет с половиною,
Двенадцать лет со полуночью.
СокОл — корАбль на якорях не стаАивал,
ЖелТЫх песков не хвАтывал,
ЖелТЫх песков — макАрьевских.
А сам кОрабль был изукрАшенной,
Золотым гвоздям сколОченной,
Нос — корма позолоченной.
Бока-то взвѣдены были по-турскому,
По-турскому — по-хранцузскому.
А еще что было на СокОле на кОрабле?
Три было церкви соборныя,
Три было базара гостиные,
Три было бани торговыя.
А еще кто управлял СокОлом-кОраблем?
Был хозяин-то сам Илья Муромец,
А кормой-то правил ПОлкан-богатырь,
А палубщик был Добрынюшка,
Алеша Попович — накидчиком.
Вот завидел, слышал Илью-Муромца
Турецкой хан
Он сказал своим робятам таковЫ слова:
- Вы вставайте-ко, робята, поранѣшенько,
- Одевайтесь-ко, робята, во легки платья.
(С)тупайте-ко, робята, на сине морѣ,
Разбей, разбей Сокол-корАбль,
Илью Муромца во полон бери,
Во полон бери, ко мне живА приведи.
Полканушку - секи-руби,

Добрынюшку - под товар клади,
Поповича Алешу - во синя морё кидай.
Илья Муромец слышал турецкого хана,
Он по кораблю похаживает,
Сапог о сапог поколачивает,
Сам к сапогам приговаривает:
- Сапоги вы, сапоги, издавеча везены,
Издавеча везены, из Матушки — Москвы!
А тугой лук сам потягивает,
КаленУ стрелу накладывает,
Сам ко стреле приговаривает:
- Ты лети, лети, стрела, во турецкой град,
Во турецкой град, во ханов сад,
Во ханов сад, во белОй шатер,
Во белОй шатер, за дубовый стол,
Самому хану во белУ грудь.
Вынимай-ко у него ретивО сер(д)цО,
РетивО сер(д)цО со печенью,
Вот тогда-то турченята испужалися,
Во легки стружки спокидалися:
- Не дай Бог на синё-море бывать.
На синё-морё бывать,
Илью Муромца видать
Ни нам, ни детям, ни внУчатам.
Ни внУчатам, ни прАвнучатам!
Виноградьё-красно-зелёное...
А хозяину желаем многая лета!

Записал П.Т. Воронов в 1905 году в Пинчуге. Опубликовал А.А. Макаренко,
«Сибирский народный календарь
в этнографическом отношении», с.131-133

Виноградье

Позволяй, сударь-хозяин,
Виноградье спеть!
Ты позволишь, не позволишь -
Мы и прочь пойдем.
Мы не дорого берем:
Три копейки серебром.
Выезжает наш Илюша
На зеленые луга.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Принатягивал Илюша
Калену свою стрелу.
Виноградье вот красное, зелененькое.
- Ты лети, моя стрела,
По поднебесью белой лебедью.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Упади, моя стрела,
Межу двух столбов.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Межу двух столбов -
Генеральских сынов.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Во высоком терему
Сидит Зиночка.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Она шьет, вышивает
Три шириночки*.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Уж как первую шириночку -
Матушке.
Виноградье вот красное, зелененькое.
Вторую шириночку —

Батюшке.
Виноградье вот красное, зелененькое.
А уж третью шириночку -
Суженому.
Виноградье вот красное, зелененькое.
* шириночка - полотенце

Записала М.В. Красноженова
от Марьи Матвеевны Чернышовой, 48 лет
д. Шумково Красноярского округа,
9 августа 1927 г.
ККМ о/ф 125, с.275, №12

Приложение Р

Виноградье

Прикажи, Божо-хозяин,
Виноградье спеть.
Виноградье красно-зеленое.
Ты позволишь, не позволишь -
Мы и прочь пойдем.
Виноградье красно-зеленое.
Мы не дорого берем:
Да три копейки серебром.
Виноградье красно-зеленое.
Уж как по морю, морю,
Морю синенькому.
Виноградье красно-зеленое.
Выплывали три кораблика,
Виноградье красно-зеленое.
Как на первом корабле,
Да Илья Муромец.
Виноградье красно-зеленое.
На втором корабле

.....
Виноградье красно-зеленое.
А на третьем корабле,
Сидит суженый.
Виноградье красно-зеленое.
(Имя) по кораблику похаживает,
Калену стрелу накладывает.
Виноградье красно-зеленое.
Ты лети, моя стрела,
Между двух столбов,
Между двух дубов.
Виноградье красно-зеленое.
Попади, моя стрела,
В красну девицу.
Виноградье красно-зеленое.

Записано М.В. Красноженовой
от компании женщин
у Анны Федоровны Комаровой
25-26 сентября 1927 г.
в с. Батой-Вознесенское Красноярского округа
ККМ о/ф 7886/125 с

Приложение С

Урок внеклассного чтения

7 класс

«Сибирские былины об Илье Муромце»

Цель: Знакомство с приенисейскими былинами об Илье Муромце и выявление их отличий от общей былинной традиции.

Задачи:

Обучающие:

- углубление представлений о жанре былин;
- выявление специфики бытования приенисейской быliny об Илье Муромце;
- знакомство с историей заселения Красноярского края;
- формирование представлений о былинной традиции сибиряков;

Воспитательные:

- формирование представлений об особенностях жизни своего региона в начале XX века;
- формирование чувства патриотизма;

Развивающие:

- развитие умения сопоставлять тексты одного жанра и выделять их специфику;
- развитие самостоятельности в мышлении и учебной деятельности;
- развитие речи.

Оборудование: фрагменты приенисейской былины «Про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного» и фрагменты былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», презентация.

План урока:

1. Угадай былину.

а) Зачитывается вольный пересказ былины об Илье Муромце и Соловья-разбойнике. Обучающимся предлагается определить, о какой былине идет речь.

б) Воспроизвести сюжет былины по картинкам на слайде

2. Беседа на выявление представлений о сибирском фольклоре.

- Были ли былины у наших земляков в фольклоре? Встречались ли вы с такими произведениями?

- Отличались ли местные былины от общерусских? Почему?

- Как в вашем представлении выглядела сибирская былина об Илье Муромце и Соловья-разбойнике?

3. Слово учителя о появлении былин в Приенисейской Сибири.

- Знаете ли вы, что былины были принесены на нашу территорию переселенцами? (История

заселения Сибири)

Начало массовой колонизации сибирских территорий было положено казачьей дружиной атамана Ермака (1580-е гг.). Постепенно начали строить военные гарнизоны, которые необходимо было снабжать продовольствием и, прежде всего, хлебом. Поэтому правительство было вынуждено начать переселение крестьян в Сибирь. Так, первая Всероссийская перепись населения 1897 года отразила довольно высокий процент переселенцев в Сибири. Ими стали выходцы из разных регионов России: Казанской, Минской, Киевской, Курляндской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Санкт-Петербургской, Подольской, Рязанской, Таврической, Тверской, Тобольской, Харьковской, Черниговской и Ярославской, а также двух областей – войска Донского и Кубанской.

Столыпинская аграрная реформа (1906–1911) способствовала очередной волне массового переселения из Европейской России в Сибирь. Но теперь в миграционных процессах основное участие принимали уже не служилые люди, промышленники и ссыльные каторжане, а крестьяне и ремесленники.

Так, Сибирь стала местом, где собирались самые разные люди, с разной ролью в обществе и совершенно из разных мест. Сибирь стала местом, где смешались не только люди, но и фольклорные традиции.

- Из рассказа следует, что былина как фольклорный жанр была занесена в Сибирь ее сказителями. Вопрос: сохраняла ли былина

свою первоначальную форму? (Произошло влияние текстов друг на друга)

4. Сопоставление былин об Илье Муромце (приенисейский и общерусский вариант).

Предлагаю ответить на этот вопрос с помощью рассмотрения былин.

Вы вспомнили сюжет быliny об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Теперь посмотрим этот же сюжет в местной традиции (зачитывание фрагментов)

- Как и где Илья встречается с Соловьем в обеих былинах?
- Что отличает встречу в местном варианте?
- Что происходит с героями далее?
- В чем различия былин? Что нового в сибирском варианте?
- Чем обычно заканчивается сюжет об Илье и Соловье?

Традиционно былина заканчивается убийством Соловья-разбойника, но сибиряки решили добавить еще одного персонажа. Его в былине называют «Обжора хлебоядный» и встречается Илья с ним на пиру.

- Кто этот герой? Почему он так назван?
 - Как ведет себя Илья по отношению к гостю?
- Чтение фрагмента, осуждение.*

Обратите внимание на ответ Ильи. Там присутствует слово, которое относится к другому богатырю. Давайте найдем это слово. (Вспомним всех богатырей. Обратимся к картине В. Васнецова «Три богатыря»).

- Как вы объясните смешение былин?
- Для чего необходимо было вспомнить про

Сибирская	Общая
- Ой же гой еси, ты дружинишка, Ты дружинишка моя хорОбрая! Уж поидем-ка мы, поедем во великой град, Во великой град ко великому, Ко великому князю Владимиру, Ко Владимиру Красну солнышку. Мы увидим и, ребята, диво дивное, Диво дивное – чудо страшное! Как по этой-сей дороге там и зверь сидит, Там и зверь сидит, ребята, худой богатырь, Не пропустит он дорОгой ни проезжего, Ни проезжего, разбойник, ни проезжего. Ай, и вы же, ребята, не убойтеса: Это есть не диво, и не дивное, Это есть и не чудо и не страшное. Как подъехали ребята к дубу дереву – Завистел злодей-разбойник во всю голову.	Он спустил добра коня да богатырского, Он поехал-то дорожкой приямскаво. Его добрый конь да богатырский С горы на гору стал перескакивать, С холмы на холмы стал перескакивать, Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал. А и как старей-то казак да Илья Муромец, Берет плеточку шелковую в беду руку, А он бил коня да по крутым ребрам. Говорил-то он Илья таковы слова: - Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок! Али ты идти не хошь, али нести не можа? Что ты на корни, собака, спотыкаешься? Не слышал ли посвиста соловьяго, Не слышал ли похрипа звериного, Не видал ли ты удвров богатырских?

корову?

- Как это характеризует богатыря?

Давайте подумаем, что было дальше. *На слайде несколько вариантов ответов.*

- Подумайте, соответствует ли такой финал былинной традиции? Почему?

- Стал ли Илья Муромец героем?

5. Обобщение сопоставления произведений

- Много отличий мы нашли в былинах?

Проведение викторины, которая поможет нам увидеть специфику местных былин? (слайды)

- Резко изменились былины в Сибири? Можно ли их узнать сразу? По каким признакам?

6. Скажи свое мнение

- Что бы вы добавили в местный вариант былины, если бы являлись ее сказителями?

Илья встречается с Соловьем-разбойником в обеих былинах....?

- В лесу
- В деревне
- На княжеском дворе
- В поле

Как ведет себя Соловей у князя?

- Вступает в дружбу с князем
- Свистом сбивает всех людей с ног
- Молча слушает Илью Муромца
- Предлагает договориться

Какой финал в сибирской былине?

- Илья отправляет Соловья за тридевять земель
- Илья убивает Соловья
- Все собираются пировать
- Ничего не сообщается

Какой финал в общеизвестной былине?

- Совпадает с сибирским
- Илья убивает Соловья
- Илья отправляет Соловья в море
- Князь приглашает Соловья за стол

Кто появляется в сибирской былине и есть ли этот кто-то во второй былине?

- В обеих былинах приходит на пир Алеша Попович
- Соловья спасает его друг в сибирской былине
- В сибирской былине появляется новый персонаж на пиру
- В сибирской былине к Илье приезжает друг

